

Кервуд Д.

**БРОДЯГИ СЕВЕРА
ОХОТНИКИ НА ВОЛКОВ**

КНИГИ, ЛЮБИМЫЕ С ДЕТСТВА

Книги, любимые с детства

Джеймс Кервуд

**Бродяги Севера.
Охотники на волков**

«Алгоритм»

1919, 1908

УДК 82/89
ББК 84(7США)

Кервуд Д. О.

Бродяги Севера. Охотники на волков / Д. О. Кервуд —
«Алгоритм», 1919, 1908 — (Книги, любимые с детства)

ISBN 978-5-486-02944-8

Американский писатель Джеймс Оливер Кервуд (1878–1927) родился и прожил большую часть своей жизни в штате Мичиган, у канадской границы. В молодости работал журналистом, редактором, а потом начал писать. Страстный охотник, натуралист и путешественник, Кервуд подолгу бродил в глухих и малоисследованных местах Северной Канады, хорошо знал и любил этот суровый край. Природе Канады и жизни четвероногих обитателей канадского Севера посвящены его лучшие произведения. Читать Кервуда не только увлекательно, но и радостно. И люди, и животные в его книгах встречаются со множеством опасностей и приключений. В этом томе публикуются два произведения Кервуда. Повесть «Бродяги Севера» рассказывает о трогательной дружбе щенка Мики и медвежонка Нивы. Подружиться с медведем совсем непросто, даже если он всего-навсего медвежонок. Но для щенка Мики не было другого пути. И вот два малыша-звереныша, сведенные вместе неожиданными обстоятельствами в дикой американской тайге, становятся верными друзьями. Ведь только дружба и взаимовыручка помогут им выжить... В книге представлена также повесть «Охотники на волков».

УДК 82/89
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-02944-8

© Кервуд Д. О., 1919, 1908

© Алгоритм, 1919, 1908

Содержание

Бродяги севера	7
Глава I	7
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	19
Глава VI	22
Глава VII	25
Глава VIII	30
Глава IX	34
Глава X	39
Глава XI	42
Глава XII	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джеймс Кервуд
Бродяги Севера. Охотники на волков

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

Бродяги севера

Глава I

Уже март был на исходе, когда черный медвежонок Нива в первый раз увидел свет. Его мать Нузак была уже старой медведицей и, как большинство пожилых существ, страдала ревматизмом и любила долго поспать. Поэтому, вместо того чтобы провести эту зиму, в которую у нее родился Нива, в самой обычной спячке в течение всего только трех месяцев, она провела в ней целых четыре, и Нива, который получил от нее жизнь именно во время этой глубокой спячки, выполз из берлоги почти двухмесячным медвежонком вместо того, чтобы быть всего только шестинедельным.

Чтобы выбрать себе для спячки берлогу, Нузак взобралась в пещеру на самой вершине голого горного кряжа, – и отсюда-то Нива и увидел в первый раз под собой долину. В первую минуту, выйдя из темноты на яркий солнечный свет, он даже ослеп. Он слышал, обонял и чувствовал около себя много кое-чего интересного, но видеть не мог. А Нузак, точно в удивлении от того, что вместо холода и снега ее окружили вдруг свет и теплота, несколько минут стояла неподвижно и только нюхала воздух и оглядывала свои владения.

В какие-нибудь две недели ранняя весна уже развернула свои чудеса в этой удивительной северной стране между реками Джексон и Шаматтава и с севера на юг между озерами Год и Черчилл.

Перед медведями открылась очаровательная картина. С высокого остроконечного утеса, на котором они стояли, все казалось точно залитым целым морем солнечного света, и только там и сям виднелись небольшие полянки белевшего снега в тех глубоких местах, куда его надуло ветром за зиму. Горный кряж подымался прямо с долины. Со всех сторон, насколько мог видеть человеческий глаз, виднелись темно-синие пятна лесов, сверкали еще не совсем растаявшие озера, отражали от себя солнечный свет ручейки и речки, и зеленые открытые пространства посылали от себя весенние ароматы. Эти запахи, точно нечто возрождающее, втекали старой медведице прямо в ноздри. Там, глубоко внизу, на земле, уже пробуждалась жизнь. Надулись почки у тополей и уж готовы были лопаться; трава выбрасывала нежные, душистые былинки; по стволам стал подниматься сок; подснежники и голубые пролески уже выглянули на солнечный свет и стали приглашать к себе на праздник Нузак и Ниву. И все это Нузак обоняла с опытностью и знанием уже минувших двадцати лет своей жизни – и сладостный аромат еловой и сосновой хвои, и сырой нежный запах от корешков водяных лилий и от лопающихся пузырей на поверхности оттаивающего болота и у самой подошвы кряжа; и над всеми этими запахами – запах самой земли, претворяющей все индивидуальные ароматы в один общий, великий поток жизни!

И Нива тоже обонял их. Его маленькое тело, все застывшее от удивления, в первое время дрожало, как лист, от зашевелившейся в нем жизни. Какие-нибудь минуты тому назад, выйдя из темноты, он вдруг увидел себя в такой сказочной стране, какая ему даже и не снилась. И в эти самые минуты над ним вдруг заработала природа. Сознания еще не было, но инстинкт уже зашевелился в нем. Он знал, что все это было *его*, что солнце и тепло было именно *для него* и что все, что было на земле прекрасного, было дано в удел *ему*. Он поводил по воздуху своим черным носиком, вдохнул в себя воздух и вдруг осознал остроту всего, что было прекрасно и чего следовало ему желать.

И в то же время он прислушивался. Он насторожил вперед свои остроконечные ушки, и в них стал втекать шорох пробуждавшейся земли. Даже стебельки травы несли в них свою песню радости, потому что все в этой залитой солнцем долине гудело зеленым весенним шумом

мирного края, еще не тронутого людьми. Повсюду звонко шумели ручьи бежавшей воды, и Нива услышал странные звуки, в которых сразу же почуял жизнь: щебетание каменного воробья, серебристые ноты песенки черногрудого дрозда внизу на болоте, звонкий, торжествующий гимн ярко изукрашенной канадской сойки, разыскивавшей себе поудобнее местечко для гнездовья в бархатной бальзамической траве. А затем вверху над его головой вдруг раздался жалобный крик, заставивший его вздрогнуть. Тот же инстинкт подсказал ему, что этот крик сулит ему опасность. Нузак оглянулась и увидела тень от большого орла, который пролетал между землей и солнцем. Нива тоже увидел эту тень и в страхе прижался к матери.

И сама Нузак, такая старуха, что не досчитывалась уже и половины своих зубов, и такая уже одряхлевшая, что в холодные, ветреные ночи у нее болели все ее кости и стали уже слабыми глаза, как ни была стара, а все-таки с возраставшей радостью глядела на то, что расстилалось у ее ног. Ее взор блуждал по этой долине, среди которой оба они проснулись. Там, далеко за стенами леса, за самым отдаленным озером, за реками и за долами, тянулись безграничные пространства, которые составляли ее дом. До нее донесся неуловимый звук, которого не постиг еще Нива, почти не усваиваемый ухом рокот громадного водопада. Это был ропот от тысяч ручейков оттаявшей воды и от мягкого дыхания ветра сквозь хвою и траву, которые весенней музыкой прыскали в воздух.

Затем она глубоко вздохнула во всю свою грудь и, побуждая ворчаньем Ниву, стала осторожно спускаться с ним между скал к подошве кряжа.

На золотой равнине оказалось еще теплее, чем было на вершине гребня. Нузак отправилась прямо к краю трясины. Несколько птиц с громким хлопаньем крыльев вылетело из нее при их появлении, и это заставило Ниву испытать страх. Но Нузак не обратила на них внимания. Лягушка заявила громогласный протест против неожиданного появления Нузак и продолжала его затем громким кваканьем, от которого на спине у Нивы поднималась шерсть. Но Нузак и на это не обратила ровно никакого внимания. Нива заметил и это. Он все время следил за матерью, и инстинкт уже подготовил его ноги к тому, чтобы тотчас же бежать во всю прыть, как только она подаст ему для этого сигнал. В его забавной маленькой голове очень быстро создалось убеждение, что его мать представляла собою самое замечательное в мире создание. Судя по всему, она была самым большим живым существом, по крайней мере из всех тех, которые были снабжены ногами и двигались. Он убедился в этом в какие-нибудь две минуты, пока они проходили через болото. Здесь вдруг послышалось фыркание, раздался треск ломавшегося прошлогоднего камыша, и, шлепая по колена в грязи, вдруг появился громадный лось, раза в четыре больше, чем сама Нузак, и при виде ее тотчас же обратился в бегство. Нива вытаращил глаза. Все-таки и на него Нузак тоже не обратила ровно никакого внимания!

Тогда и сам Нива сморщил свой крошечный носик и заворчал, точь-в-точь так, как он ворчал на уши и шерсть Нузак и на те палки, на которые наткнулся в темноте берлоги. Он сразу все отлично понял. Теперь он мог ворчать на все, на что бы только ни пожелал, как бы велико ростом ни было это все. Ведь это все убегало прочь при одном появлении его матери Нузак.

И весь этот первый яркий день прошел для Нивы в одних только открытиях, и с каждым часом он все более и более убеждался, что его мать была непререкаемой владычицей во всех этих новых для него и залитых солнцем местах.

Нузак была заботливой матерью и на своем веку дала жизнь уже двенадцати или пятнадцати поколениям медведей, а потому знала, что в этот первый день нужно было ходить как можно меньше, чтобы дать ножкам Нивы немного окрепнуть. Потому-то она и не задерживалась долго даже на этой мягкой трясины, а решила пойти по пути в ближайшую группу деревьев, где обыкновенно она ломала своими лапами у сосен сучья, чтобы добыть из-под их коры вкусный, липкий сок. После целого пиршества, состоявшего из разных корешков и луковичных растений, Ниве понравился этот десерт, и сам он в свою очередь попытался сдирать коготками кору с деревьев. До самого полудня Нузак все ела и ела, до тех пор, пока не оттопырились

у нее бока, а Нива, со своей стороны, то пососав материнского молока, а то покушав разных странных, но вкусных вещей, попадавшихся им по пути, не стал походить на барабан. Выбрав затем местечко, где от косых лучей солнца белая скала нагрелась так, точно печка, старая, обленившаяся Нузак прилегла отдохнуть, в то время как Нива, предоставленный самому себе, наткнулся вдруг в своих поисках приключений на яростного врага.

Это был громадный древесный жук-рогач два дюйма длиной. Его рога, которые он выставил спереди, были черны и походили на изогнутые железные гвозди. Он был весь совершенно черного цвета, и его точно выкованная из металла поверхность ярко сверкала на солнце. Нива лег на живот и с замиранием сердца стал следить, что он будет делать. Для него оказалось удивительнее всего то, что этот жук, находившийся от него на расстоянии всего только в какой-нибудь один фут, все-таки продолжал к нему приближаться! Это было и любопытно, и в то же время и страшно. Первое за весь день живое существо, которое не испугалось и не убежало прочь! Медленно придвигаясь на своих шести ногах, жук издал дребезжащий звук, который Нива отлично слышал; затем Нива нерешительно протянул к нему лапу. Тотчас же жук ошетинился и принял яростный вид. Его крылья зашевелились и загудели, точно пропеллер, клещи разжались так, что могли бы легко прищемить человеческий палец, и сам он стал вертеться на ногах, точно пустился в пляс. Нива отдернул лапу назад, и секунды две спустя жук успокоился и все-таки снова двинулся вперед.

Нива, конечно, не знал того, что все поле зрения жука ограничивалось всего только четырьмя дюймами в окружности и что далее этого он уже не видал; положение все-таки оставалось вызывающим. Но Нива был не таков, чтобы бежать от врага, даже несмотря на свой девятинедельный возраст. С отчаянным видом он снова вытянул лапу вперед, но, к несчастью, один из его тоненьких коготков нечаянно зацепился за жука и перевернул его вверх ногами так, что тот уже не смог ни жужжать, ни гудеть. Великая радость обуяла медвежонка. Дюйм за дюймом он стал приближать свою лапу к самой своей мордочке и делал это до тех пор, пока наконец не дотронулся жука до самых своих зубов. Но здесь ему захотелось его понюхать. Это было для жука счастливым моментом. Его клещи сжались, и сон старой Нузак прервался от внезапного крика агонии. Когда она подняла голову, то Нива катался по земле, точно с ним случился припадок. Он фыркал, чихал и отплевывался. Нузак некоторое время пристально смотрела на него, а затем медленно поднялась и подошла к нему. Своей большой лапой она стала переворачивать его то так, то этак и вдруг увидела на нем жука, который крепко и решительно вцепился своими клещами ее детенышу прямо в нос. Тогда она повалила Ниву на бок так, чтобы он не мог больше двигаться, и стала медленно сдавливать жука меж двух зубов, пока наконец он не разжал своих клещей. А затем она его съела.

До самых сумерек Нива носился со своим раненым носом. А перед тем как стемнело совсем, Нузак заковыляла обратно к своей скале, и Нива пососал на ночь ее молока. Потом он угнездился ей под мышку, где оказалось очень тепло. Несмотря на все еще болевший нос, он чувствовал себя счастливым и к концу своего первого дня уже считал себя храбрецом, не боявшимся ничего, хотя ему и было всего только девять недель. Он вступил в свет, он видел много диковинных вещей и если и не остался в конце концов победителем, то все-таки великолепно провел свой первый день.

Глава II

В эту ночь у Нивы сильно разболелся живот. Вообразите себе младенца, только что отнятого от груди, который сразу же обожрался жареным мясом! То же случилось и с Нивой. По настоящему ему следовало бы постепенно привыкать к грубой пище, по крайней мере с конца второго месяца, но в процессе интенсивного воспитания природа, казалось, сразу же принялась готовить его к великой и неравной борьбе, которая в недалеком будущем ожидала его впереди. Целые часы он простонал и проплакал, пока наконец Нузак не надавила ему своим носом на вздувшийся живот и его не вырвало тем, что было в нем лишнего. И ему стало легче.

После этого он заснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, то его поразило яркое зарево пожара. Вчера он видел солнце, ярко блестящее и золотое и затем куда-то скрывшееся. Но теперь, в это северное весеннее утро, он в первый раз в жизни увидел, как что-то вспыхнуло на самом краю света. Зарево было красно как кровь, и, по мере того, как он глядел на него, оно все росло и расширялось, пока наконец не охватило целой половины неба и не выполз вдруг какой-то странный, громадный шар. В первую минуту Ниве показалось, что это какое-то чудовище, которое плыло из-за леса прямо на него, и он испугался и с визгом стал будить свою мать. Что бы это ни было, Нузак все равно не испугалась бы. Она повернула свою большую голову к солнцу и, прищурившись, с торжественным спокойствием стала наслаждаться. Тогда и Нива стал чувствовать удовольствие от теплоты, исходившей от этого красного предмета, и, несмотря на все еще продолжавшееся первое возбуждение, вдруг замурлыкал от его ласки. Из красного солнце скоро превратилось в золотое, и вся долина сразу же преобразилась и зажила теплой, трепетной жизнью.

Около двух недель после этого первого в жизни Нивы восхода солнца Нузак оставалась вблизи своих скал и находившегося внизу болота. А затем наступил день, когда Ниве исполнилось одиннадцать недель, и он уже стал забегать в далекие темные леса и наконец готов был начать свои летние скитания. Его подошвы уже потеряли свою нежность, и он весил теперь уже целых шесть фунтов. Это было очень хорошо.

С того дня как Нузак отправилась наконец в свои скитания, для Нивы начались настоящие приключения. В темных таинственных глубинах лесов еще оставались залежи снега, которые еще не успело растопить солнце, и Нива скучал и плакал по теплой и светлой долине. Они прошли мимо водопада, и Нива впервые услышал рев низвергавшейся воды. Все глубже, темнее и угрюмее становился лес по мере того, как в него проникала Нузак. Здесь-то Нива и получил свои первые уроки по охоте. Дни шли за днями, и живые существа все пробуждались и выползали из-под повалившихся деревьев и из щелей в камнях, и Нива уже сам лично, без помощи матери, понял весь трепет и все возбуждение, которые вызывала в нем охота. Он опять встретил жука-рогача, но на этот раз уже убил его. Покончил он и с лесной мышью, впервые попавшейся ему по дороге. В нем очень быстро стали пробуждаться инстинкты его отца, который находился теперь в третьей или четвертой долине к северу от них и который никогда не упускал случая вступить с кем-нибудь в борьбу. К концу мая, то есть на четвертом месяце своей жизни, Нива уже ел все, что только мог убить такой медвежонок, как он.

Это было в начале июня, когда неожиданный случай вдруг сразу внес в жизнь Нивы радикальную перемену. Был теплый, мягкий, солнечный день, и старая Нузак сочла себя вправе после сытной еды поваляться некоторое время на солнце. Они только что вышли из невысокого леса и спустились на луг, через который, извиваясь между каменистыми берегами, тек по белому песочку неглубокий, быстрый ручей. Нива же спать был не охотник. Он всегда предпочитал сну наслаждение ярким полуденным солнцем. Маленькими, круглыми глазками он озирался по сторонам на этот удивительный мир, и ему казалось, что все в нем манило его к себе. Он оглядывался на свою мать и жалобно повизгивал: опыт говорил ему, что она будет

оставаться глухой ко всему внешнему миру целые часы, пока наконец он не потеряет терпения и не укусит ее за ногу или не потреплет за ухо, и только тогда она вскочит и только затем, чтобы на него огрызнуться. Ему это уже надоело. Ему хотелось чего-нибудь более интересного, и он решил предаться своим приключениям самостоятельно.

В этот же самый день, когда уже садилось солнце, какой-то человек, стоя на коленях и упершись руками в землю, исследовал полосы песка, протянувшиеся на целых пять или шесть миль вдоль ручья. Рукава у него были засучены кверху, обнажая до половины загоревшие руки, и голова была непокрыта, так что вечерний ветерок развеивал его лохматые белокурые волосы, которые вот уже восемь или девять месяцев не видали ножниц и подстригались только охотничьим ножом.

По одну сторону этого индивидуума стояло железное ведро, а по другую, следя с величайшим интересом за каждым его движением, сидел самый неуклюжий и самый ласковейший щенок, который когда-либо рождался от отца макензийской породы и от матери-полукровки из эрдельской и шпицбергенской пород.

С этой трагической смесью в своей крови щенок представлял собою только то, что принято называть «настоящей собакой». Его вытянутый по песку хвост был длинен и показывал все свои позвонки; его лапы, точно ступни у мальчишки-подростка, были похожи на маленькие перчатки для бокса; его голова была в три раза больше, чем это полагалось бы соразмерно его телу, и, по какой-то случайной прихоти матери-природы, одно ухо у него было вдвое короче другого. Когда он следил за своим хозяином, то это половинное ухо торчало, точно гальванизованная кожа, тогда как другое, вдвое длиннее его, наострялось вперед с глубочайшим вниманием и с самым пытливым интересом. Голова, ноги и хвост были у него чисто макензийской породы, а уши и худощавое, короткошерстное тело говорили о тяжелой борьбе между эрдельской и шпицбергенской породами. В своем теперешнем негармоническом виде он представлял собой самого обычного щенка, какие обыкновенно бегают по задним аллеям парков в больших городах.

Его хозяин заговорил только в первый раз за столь долгое время, и Мики всем своим существом показал, как он высоко ценит то, что его слова были обращены именно к нему.

– А здесь медведица и медвежонок! – воскликнул хозяин. – Это верно так же, как и то, Мики, что ты еще молокосос. И если я еще хоть что-нибудь понимаю в медведях, то будь уверен, что они прохаживались здесь только сегодня!

Он поднялся на ноги и стал наблюдать за тем, как глубокие тени уже стали окутывать лес. Затем он наполнил ведро водой. На несколько секунд последние лучи солнца осветили его лицо. Это было энергичное, полное надежд лицо. Оно пылало от радости жизни. И сейчас оно зажглось внезапным вдохновением, и глаза человека засверкали.

– Мики, – продолжал он, – за то, что ты такая еще неотшлифованная сокровищница добродушия и красоты, я отвезу твою дурацкую персону в подарок одной девице и знаю, что она за оба эти качества тебя полюбит. Только бы вот захватить с собою и этого медвежонка!..

Он стал насвистывать и, взяв ведро с водой, направился к зеленому лужку, находившемуся от него ярдах в ста.

За ним последовал по пятам и Мики.

Чаллонер, только недавно назначенный фактором от Великой компании Гудзонова залива, расположился лагерем на берегу озера при самом впадении в него ручья, содержавшего золотой песок. Для этого ему понадобилось немного: старая палатка, еще более изношенная лодка и пук соломы для подстилки. Но для человека чуткого к внешнему виду лесов и к массе звуков, исходящих от них, с первого же проблеска рассвета повсюду открываются целые тома жизни. Это был представитель той расы людей, которые безбоязненно отправляются хоть на самый край света. Все его богатство составляло то, что было в нем и на нем. В этих остатках от его лодки и палатки, прошедших с ним в течение годовой борьбы за существование сквозь

огни и воды и медные трубы, было для него что-то дружески человеческое. Вся лодка была покороблена, избита и заплатана, его палатка так почернела от дыма и ветров, что была такого цвета, как копченая рыба, а его запасы провизии уже давно пришли к концу.

Над небольшим костром уже кипело содержимое его чайника и кастрюли, когда он вернулся к себе вместе с Мики, который неотступно бежал следом за ним; на угольях стояла треснувшая, но починенная сковорода, на которой уже зарумянились лепешки на муке с водой. В чайнике кипел кофе, а в кастрюле варилась рыба.

Мики угловато присел на задние ноги с таким расчетом, чтобы запах от рыбы тянул ему прямо в нос. Он нашел, что это было именно то, чего бы он с удовольствием теперь поел. Когда он следил за последними приготовлениями Чаллонера, готовившегося приняться за еду, то его глаза светились как два граната, и после каждого третьего или четвертого выдоха он облизывался и проглатывал слюну. Отсюда-то он и получил свою кличку. Он был вечно голоден и всегда был готов есть, как бы сыт ни был. Поэтому ему и дано было имя Мики, что значит «барабан».

Поев рыбы и лепешек, Чаллонер закурил трубку и наконец высказал то, что у него было на уме:

– Завтра я пойду на медведя, – сказал он.

Прикорнув у потухавшего костра, Мики застучал о землю хвостом, точно это была палка, а не хвост, чтобы доказать этим, что он слушает.

– Я повезу тебя к девице вместе с медвежонком. Она с ума сойдет от радости.

Мики застучал хвостом еще чаще прежнего. «Отлично!» – казалось, хотел он ответить.

– Только подумать, – продолжал Чаллонер, глядя поверх головы Мики на целую тысячу миль вперед. – Целых четырнадцать месяцев – и вдруг мы возвращаемся с тобой к людям! Я повезу тебя и медвежонка одной девице в подарок. Что ты на это скажешь? Ты и понятия не имеешь, как она любит таких маленьких дьяволят, как ты, иначе ты не смотрел бы на меня таким дураком! И не твоей глупой башке понимать, что это за девушка! Видишь этот солнечный закат? Так она лучше его, на то она и моя избранница. О чем бы еще поговорить, Мики? Впрочем, больше не о чем; давай-ка лучше помолимся, да и на боковую!

Чаллонер встал и потянулся... Все суставы в нем захрустели. Он почувствовал в себе гигантскую силу.

А Мики, до сих пор все еще барабанивший хвостом, вскочил на лапы, побежал за хозяином и спрятался к нему под одеяло.

Глава III

Чуть-чуть брезжило раннее серенькое летнее утро, когда Чаллонер поднялся и развел огонь. Несколько позже вышел и Мики. Хозяин обвязал один конец веревки, оторванной от палатки, вокруг его шеи, а за другой привязал его к дереву. Другую веревку такой же длины он прикрепил к углам мешка из-под съестных припасов, так что его можно было перекинуть через плечо, как охотничий сак. Едва только стал алеть восток, как он уже был готов отправиться по следам Нивы и его матери. Поняв, что его не захотели взять с собой, Мики жалобно завыл, и когда Чаллонер обернулся назад, то увидел, что щенок бился на привязи и прыгал, как паяц, которого дергали за ниточки. Пройдя целую четверть мили вдоль ручья, он все еще мог слышать, как Мики громко и визгливо высказывал свой протест.

Чаллонер так рано начал свой день не из-за одного только личного удовольствия и не потому только, что ему хотелось увезти медвежонка вместе с Мики. Он нуждался в мясе, а в эту пору медвежатина была наиболее питательной; кроме того, у него не хватало уже жиров. Если бы ему удалось прикончить эту медведицу, то он быстрее бы вернулся домой, к цивилизации. Было уже восемь часов, когда он безошибочно набрел на свежие следы Нузак и Нивы. Это было на том месте, где Нузак четыре или пять дней тому назад ловила рыбу и куда они только вчера приходили еще раз, чтобы отдохнуть после еды. Чаллонер был в восторге. Теперь он был уверен, что найдет эту парочку где-нибудь около ручья и не на далеком расстоянии. Ветер был для него благоприятен, и с громадными предосторожностями и с ружьем наготове он стал продвигаться вперед. Он прошел спокойно и уверенно около часа, прислушиваясь к каждому звуку и движению и то и дело смачивая себе палец, чтобы уследить, не переменял ли направление ветер. Кроме того, не все ведь зависело и от воли самого человека. Но все сложилось удачно для Чаллонера.

В широкой плоской части долины, где ручей разбивался на несколько маленьких рукавов и вода текла между песчаными отмелями и каменистыми грядами, Нива и его мать не спеша ловили себе на завтрак раков. Никогда еще мир не казался Ниве таким прекрасным, как теперь. Его мягкая шерсть на спине сделалась от солнца нежной, как пух, точно у мурлыкавшего котенка. Он с удовольствием пошлепывал голыми ступнями по влажному песку, и ему нравилось, когда вода с плеском ударялась об его пятки. Он любил все звуки, раздававшиеся вокруг него: дыхание ветерка, шепот в вершинах сосен и кедров, журчание воды, попискивания кроликов в камнях и крики птиц; но более всего на свете он любил низкое, ласковое ворчанье своей матери.

Вот на этой-то согретой солнцем равнине Нузак и почуяла первые признаки надвигающейся беды. При внезапном дуновении ветерка до нее донесся запах человека!

Она тотчас же повернула к скалам. У нее еще до сих пор был на плечах глубокий рубец, который несколько лет тому назад она получила точь-в-точь при таком же запахе врага, которого она так теперь опасалась. Целых три года она не обоняла его и даже почти забыла о его существовании. И вот вдруг опять он, теплый и страшный, донесся до нее вместе с дыханием ветерка и заставил ее замереть.

Казалось, что и Нива тоже в эту минуту почуял близость грозившей опасности. Он остановился как вкопанный черным пятнышком на белом песке, всего только в двухстах шагах от Чаллонера, вперив взоры в мать, и его чуткий носик старался понять значение опасности, которую доносил до него ветер.

А затем случилось то, чего он еще ни разу в жизни не слышал: раздался оглушительный, потрясающий гул, что-то похожее на гром, но вовсе не гром; и он увидел, что его мать зашаталась на том месте, где стояла, и затем тотчас же припала на передние лапы.

Но уже в следующий момент она поднялась с таким диким рычанием, какого он от нее ранее не слышал и которое он понял для себя как приказ спастись во что бы то ни стало.

Как и все матери, которым дано в удел самим нянчить и любить своих детей, Нузак прежде всего подумала о Ниве. Дотянув до него лапу, она угостила его шлепком, и Нива тотчас же со всех ног пустился искать убежища в ближайшем лесу. Нузак последовала за ним. Раздался второй выстрел, и как раз над ее головой с ужасным, визгливым звуком пролетела пуля. Но Нузак не торопилась. Она плелась позади Нивы, все время подгоняла его и как будто не чувствовала той адской боли, которую пуля, точно раскаленное докрасна железо, причиняла ей в паху. Они добрались наконец до опушки леса, когда Чаллонер послал ей вдогонку третий выстрел, на этот раз поразивший ее между передних ног.

Еще мгновение – и медведи очутились уже под защитой леса. Инстинкт заставил Ниву забраться в самую глушь, а позади него, все еще борясь со смертью и стараясь его прикрыть собой, шла за ним Нузак. Ее мозг стала завлакивать какая-то глубокая, непроницаемая тень, что-то такое, от чего глаза ее вдруг перестали видеть, и она поняла, что ее жизненный путь уже приходит к концу. Прожив целые двадцать лет на свете, она теперь боролась из-за своих последних двадцати секунд. Она оставила Ниву около густого кедра и, как делала неоднократно и раньше, приказала ему на него влезть. И тут-то, точно желая приласкать его в последний раз, она лизнула его горячим языком. А затем приготовилась к своей последней борьбе.

Увидев приблизившегося Чаллонера, она поднялась на дыбы и еще за пятьдесят шагов от кедра остановилась и стала его поджидать, все-таки повалив голову между плеч и тяжело дыша, а ее глаза угасали все более и более, пока наконец, испустив глубокий вздох, она не повалилась вдруг на землю, загородив собой дорогу своему врагу.

Когда Чаллонер подошел к ней, то она была уже мертва.

Со своего укромного местечка в самой густоте кедра Нива наблюдал за этой первой трагедией в своей жизни и за тем, как приближался к нему человек. Вид двуногого зверя заставил его забраться еще глубже в хвою, и сердце забилося в нем от охватившего его ужаса. Он рассуждать не мог. То, что с ним случилось, было для него выше всякого рассуждения, как и то, что именно этот высокий двуногий зверь был причиной всего. Его маленькие глазки сверкали и готовы были выскочить из орбит. Он удивлялся, почему его мать не встанет сейчас на дыбы и не задаст хорошей трепки этому врагу. Испуганный до последней крайности, он готов уже был слезть с дерева и бежать к матери, чтобы ее разбудить, но ни один мускул на ее крупном теле не двигался и к тому же около нее стоял, наклонившись, Чаллонер и оглядывал ее. Она точно окаменела.

Чаллонер даже покраснел от удовольствия. Правда, он стал убийцей, но по нужде. Он смотрел на роскошную шубу Нузак и на такое большое количество ее мяса, которого хватило бы для него на всю дорогу до самого дома. Он приставил винтовку к стволу дерева и стал разыскивать глазами медвежонка. Он знал повадки диких зверей и потому был уверен, что зверек находится где-нибудь поблизости от матери; поэтому он стал обшаривать ближайшие кустарники и оглядывать вершины деревьев.

Нива сидел, свернувшись, как шарик, на самой вершине, спрятавшись за густыми ветвями. Целых полчаса Чаллонер безуспешно разыскивал его, а затем махнул рукой и, решив заняться препарированием Нузак, пошел к ручью попить воды.

Как только он отошел, Нива тотчас же высунул свою голову из засады. Выждав несколько минут, он сполз с кедра на землю. Он жалобно позвал к себе мать, но та не двинулась. Тогда он подошел к ней сам и стал около ее неподвижной головы, нюхая отравленный запахом человека воздух. Затем он стал тыкаться носиком в ее щеки, подсовывать его ей под шею и, наконец, стал дергать ее за ухо – его обычная манера ее будить. Но все было напрасно, и это ставило его в тупик. Тогда он горько заплакал, взобрался к матери на мягкое тело и уселся на нем. Сперва

в его плаче звучала какая-то странная нота, а потом он не выдержал и зарыдал так, как рыдает обыкновенно только человеческий ребенок.

Возвращаясь назад, Чаллонер услышал этот плач, и что-то вдруг больно отозвалось в его сердце и смутило его. Да, это был совсем детский плач! Плач ребенка, лишившегося матери.

Спрятавшись за карликовую сосну, он стал глядеть оттуда на Нузак и увидел, что Нива все еще сидит на спине у матери. Он убил на своем веку много разных зверей, так как убивать их было его профессией, как и выменивать шкуры зверей, убитых другими. Но он не видел раньше ничего подобного и почувствовал себя действительно виноватым.

– Мне жалко тебя... – прошептал он. – Бедняжка!.. Мне тебя жаль!

Это звучало почти просьбой о прощении. Но кончать дело все-таки надо было. Так тихо, что Нива не мог услышать, он подполз к нему против ветра и подкрался к нему сзади. Он был от него всего в каких-нибудь полутора саженях, когда Нива понял наконец опасность. Но было уже поздно. Быстрым скачком Чаллонер уже был около него, и, прежде чем Нива успел оставить спину матери, он накиннул на него мешок.

За всю свою жизнь Чаллонер не испытывал более забавных пяти минут, как те, которые последовали вслед за этим. Несмотря на все свое горе и весь свой страх, Нива вдруг почувствовал, как в нем заговорила драчливая кровь его отца. Он стал царапать, кусаться, лягаться и рычать. За эти пять минут в нем перебывало сразу пять дьяволят, и пока Чаллонер обвязывал ему шею веревкой и вталкивал его толстенькое тело к себе в мешок, все руки у него были искусаны и исцарапаны во многих местах.

Нива продолжал биться и в мешке до тех пор, пока не выбился наконец из сил и не перестал. А тем временем Чаллонер снимал с Нузак шкуру и срезал те куски мяса и жира, которые казались ему наиболее пригодными. Красота шкуры Нузак заставила заблестеть его глаза. Он завернул в нее куски мяса и жир, сложил ее за четыре угла так, как обыкновенно пеленают ребенка, привязал к ней ремни и перекинул их через плечи. Согнувшись под тяжестью полутора пудов, которые весили шкура и мясо, он взял свое ружье и Ниву. Было уже около полудня, когда он отправился в путь. А когда он добрался наконец до своего лагеря, то солнце уже садилось. Буквально всю дорогу, пока не осталось всего только какой-нибудь полумили до дома, Нива сражался, как Спартак.

Под конец он обессилел и лежал в мешке почти без признаков жизни, и когда, почуввав что-то подозрительное, Мики подошел к его тюрьме, то он ни одним движением не выказал протеста. Теперь для него смешались уже все запахи, и он уже не различал никаких звуков. Чаллонер же едва доплелся до дому. Все кости и мускулы у него болели. Но на его вспотевшем и загорелом лице все-таки светила гордость.

– Ах ты, храбрец! – сказал он, глядя на лежавший спокойно мешок и вытряхивая свою трубку, первую с самого полудня. – Бедовый ты чертенок!

Он привязал конец веревки от шеи Нивы к дереву и стал осторожно высвобождать его из мешка. Затем он вывалил его на землю и отошел несколько назад.

Теперь уже Нива был готов на любое перемирие на условиях Чаллонера. Но не его первого увидел он, вывалившись из мешка. Он увидел Мики! А Мики, вне себя от любопытства, вертелся тут же своим неуклюжим телом и так и знал по запаху заранее, что это непременно должен быть какой-нибудь интересный гость.

Глазки Нивы засверкали. Ну а этот неуклюжий, карнаухий отпрыск из клевретов чело века-зверя был тоже его врагом, да? Эти неловкие извивы тела этого нового существа и помахи хвостом, точно палкой, тоже были вызовом на бой? Он так думал. Во всяком случае, это существо было одинакового с ним роста. И в мгновение ока, насколько позволила ему веревка, он бросился на щенка. Мики, который за момент до этого только лез к нему со своими дружбой и лаской, тотчас же был опрокинут на спину, его забавные лапы задрогали в воздухе,

и его жалобные вопли о помощи скоро превратились в дикий вой, невыносимым страданием огласивший золотую тишину начинавшегося вечера.

Чаллонера это поразило. В следующий за тем момент он хотел было развести маленьких забияк, но что-то такое произошло, что остановило его. Стоя прямо над Мики, который поднял кверху все четыре свои лапы, точно признавая себя уже побежденным, Нива медленно отвел свои зубы от нежной кожи щенка. На этот раз он увидал перед собою уже двуногого зверя – Чаллонера. Инстинкт, более тонкий, чем не окрепший еще рассудок, заставил его на некоторое время сдерживать себя и устремить свои круглые, как бусы, глазки на Чаллонера. А между тем Мики все еще продолжал болтать в воздухе ногами; он умоляюще скулил; его твердый хвост стучал по земле, точно это была просьба о пощаде; он облизывался и извивался, точно хотел этим убедить Ниву, что он даже и намерения не имел причинить ему хоть какую-нибудь неприятность. А Нива, уставившись на Чаллонера, презрительно ворчал. Затем он не спеша сполз с Мики. А щенок, все еще боясь тронуться с места, продолжал лежать на спине и дрыгать в воздухе ногами.

С выражением удивления на лице Чаллонер очень медленно отправился к палатке, вошел в нее и стал наблюдать оттуда сквозь дырочку в полотне.

Выражение злобы вдруг сошло с мордочки Нивы. Он посмотрел на щенка. Быть может, в каком-нибудь отдаленном уголке его мозга наследственный инстинкт подсказал ему, что он мог потерять в щенке то, чего был лишен из-за отсутствия еще не родившихся братьев и сестер, – а именно друга детства, компаньона в детских играх. И Мики, со своей стороны, почувствовал перемену, сразу происшедшую в этом маленьком, черном, озлобившемся существе, которое только что было его врагом. И он радостно заработал своим хвостом и протянул к Ниве передние лапы. А затем, все еще опасаясь возможной случайности, он завертелся около его бока. Нива все еще не шевелился. Мики радостно стал прыгать.

А минутой позже, глядя сквозь дырочку в своей палатке, Чаллонер уже видел, что они стали осторожно обнюхивать друг у друга носы.

Глава IV

В эту ночь шел холодный мелкий дождь, надвинувшийся с северо-востока. Встав с туманной зарей, Чаллонер вышел, чтобы разжечь костер, и под ветками ели увидел Мики и Ниву. Оба тесно прижались один к другому и крепко спали.

Первым увидел человека медвежонок, и, прежде чем мог вскочить и щенок, Нива уже устремил свои сверкавшие глазки на этого странного врага, который так жестоко перевернул всю его жизнь. Изнурение от пережитого заставило его проспять столько часов подряд в эту первую ночь его плена, а во сне он позабыл о многом. Но теперь он снова вспомнил обо всем и, забившись еще глубже под ветви ели, стал плакать о своей матери так тихо, что его мог слышать только один Мики.

Мики же сразу чуть не завыл: он медленно развернулся из клубочка, свернувшись в который лежал, потянулся на своих длинных, переросших ногах и зевнул так громко, что звук от этого зевка дошел даже до Чаллонера. Он обернулся и увидел пару глаз, устремленных на него из лазейки под ветвями ели. Щенок насторожил оба свои уха – и целое, и половинку другого, – точно с безграничной радостью хотел убедить своего хозяина, что он предан ему бесконечно, до гробовой доски. Мокрое от дождя и загоревшее от бурь и ветра в течение целых сорока пяти месяцев, проведенных на дальнем севере, лицо Чаллонера, точно в ответ на это приветствие Мики, осветилось улыбкой, и щенок завертелся, завилял хвостом, запрыгал, стараясь в самых причудливых судорогах выразить, как он счастлив, что хозяин улыбнулся именно ему.

Когда таким образом все убежище под ветками освободилось для одного только Нивы, то он забился в самую глубину его, так что была видна оттуда только одна его круглая голова, и из этой своей временной засады он стал пристально глядеть своими яркими маленькими глазками на убийцу своей матери.

Живо представилась ему вся вчерашняя трагедия – теплое, залитое солнцем русло речки, в которой он и его мать Нузак ловили себе на завтрак раков, появление этого двуногого зверя, гул от странного грома, их бегство в лес и конец всему, когда его мать повернулась лицом к лицу к своему врагу. И не о смерти матери он вспомнил с такою горечью в это утро. Ему пришли на ум его собственная ужасная борьба с этим белым человеком и затем барахтанье в темных, душных глубинах мешка, в котором Чаллонер нес его к себе на стоянку. Даже и теперь еще Чаллонер сколько угодно может поглядывать на царапины на своих руках! И ему тоже досталось на орехи! Вот он приблизился на несколько шагов и весело взглянул на Ниву, так же весело и добродушно, как только что глядел на этого угловатого щенка Мики.

Глазки Нивы метнули искры.

– Я же говорил тебе вчера, что сожалею о том, что произошло, – сказал Чаллонер таким тоном, точно разговаривал с равным себе.

В некоторых отношениях Чаллонер представлял собой необыкновенного человека, совершенно необычный тип на далеком севере. Он, например, верил в своего рода специальную психологию животного и вполне допускал, что если с животными обращаться и разговаривать, как с людьми, то всегда легко бывает добиться от них настоящего понимания, которое он, будучи не совсем образованным человеком, считал за разум.

– Я ведь говорил тебе, что мне жаль, – повторил он, опустившись на корточки перед ветками, из-под которых светились глазки Нивы, – и я это признаю. Мне грустно, что я убил твою мать. Но ведь нужны же нам с Мики мясо и жир? Кроме того, и я и Мики очень довольны, что ты теперь у нас. Мы повезем тебя с собой к некой девице, и если ты не добьешься от нее любви, то, значит, ты самое ничтожное и глупое создание в мире и вовсе не заслуживаешь матери. Ты и Мики будете как братья. Его мать тоже умерла, скончалась от чахотки, а это, братец, похуже, чем смерть от пули, попавшей в легкие. Мики я нашел так же, как и тебя: он

прижался к своей матери и плакал так, точно для него ничего уж больше и не оставалось на свете. Поэтому развеселись хоть немного и давай лапу! Ну, совершим рукопожатие!

Чаллонер протянул к медвежонку руку. Нива не двинулся и лежал, как камень. Немного раньше он заворчал бы и оскалил зубы. Но теперь он уже притих. Какое странное существо сидело перед ним на корточках! Вчера оно не причинило ему вреда, если не считать того, что сунуло его в мешок. И сейчас не собирается обижать его. Даже более: его тон не груб и не угрожает. Вот он перевел глаза на Мики. Щенок засуетился во все стороны около его коленей и с удивлением посмотрел на Ниву, точно хотел задать ему вопрос: «Почему ты не вылезашь из-под веток и не желаешь с нами позавтракать?»

Чаллонер протянул руку еще ближе, но Нива все время пятился от нее назад, пока наконец стало уже некуда. Затем вдруг случилось чудо: рука двуногого зверя коснулась его головы. И Нива почувствовал, что его передернула от этого какая-то странная, неприятная дрожь. Но рука все-таки не причинила ему вреда. Если бы он сам не забился так глубоко, то, наверное, цапанул бы ее или укусил. Но он не смог сделать ни того ни другого.

Чаллонер стал медленно перебирать пальцами в пушистой шерстке на затылке у Нивы. Заподозрив, что должно было случиться что-то неожиданное, Мики насторожился. Вслед за тем пальцы Чаллонера вдруг сжались, и в ту же минуту он потянул Ниву к себе и стал держать его от себя на расстоянии вытянутой руки. Медвежонок забился, стал высвобождаться и так завизжал, что из искренней симпатии к нему Мики тоже возвысил свой голос и присоединился к какофонии. Полминуты спустя Чаллонер опять посадил Ниву в мешок, но на этот раз так, что голова медвежонка была снаружи, и завязал этот мешок туго вокруг его шеи очень прочной, крученой бечевкой. Таким образом, три четверти Нивы оказались в мешке, а голова торчала сверху: Нива походил теперь на спеленатого ребенка.

Оставив медвежонка кататься и выражать свои протесты визгом, Чаллонер принялся за приготовление завтрака. Последствия показались Мики более интересными, чем сама операция, произведенная его хозяином, и потому он стал носиться вокруг Нивы, который бился в мешке изо всех своих сил, стараясь из простой симпатии оказать ему хоть какую-нибудь помощь. Но под конец Нива примирился, и Мики уселся около него и с серьезным видом, если не с упреком, стал смотреть на своего хозяина.

Серое небо прояснилось и пообещало послать солнечные лучи, когда Чаллонер уже окончательно собрался возобновить свое путешествие на юг. Он стал нагружать свою лодку, оставив Ниву и Мики напоследок. На носу в лодке он устроил мягкое, уютное гнездышко из шкуры медведицы. Затем он подзвал к себе Мики и привязал к его шее один конец веревки, а другой обмотал вокруг шеи Нивы. Таким образом, щенок и медвежонок оказались на привязи один у другого на расстоянии всего только одного ярда. Взяв затем эту парочку за шиворот, Чаллонер отнес ее в лодку и поместил в гнездо из шкуры Нузак.

– Ну, ребята, теперь будьте умниками! – сказал он. – Нам нужно сегодня сделать целых сорок миль, чтобы наверстать время, потерянное вчера!

И как только лодка отплыла, облака прорвались, и с востока приснул на них солнечный луч.

Глава V

В течение первых минут, пока лодка быстро скользила по поверхности озера, странная перемена вдруг произошла в Ниве. Чаллонер не заметил ее, да и Мики ее не понял. Но в Ниве задрожал каждый фибр, и сердце его затрепетало от радости, как и в те солнечные дни, когда он гулял вместе со своей матерью. Ему показалось, что к нему вернулось все, что он потерял, и что теперь все будет обстоять как нельзя лучше, потому что он *почуял свою мать!* А затем он вдруг открыл, что этот теплый и сильный запах исходил от черной шкуры, на которой он сидел, и постарался прижаться к ней поплотнее. Он лег прямо на живот, протянул перед собой передние лапы, положил на них голову и уставился на Чаллонера.

Ему трудно было понять, почему здесь сидел на корме этот человек-зверь и гнал свою лодку по воде и почему именно под ним, медвежонком, находилась сейчас его мать, теплая и мягкая, но совершенно недвижимая. Он не удержался и завыл, чтобы низким, полным отчаяния голосом позвать к себе мать. Но ответа не последовало, и только завыл в свою очередь Мики – тоже осиротевшее дитя другой матери. А мать Нивы все еще не двигалась. Даже не издала ни звука. Кроме черной, пушистой ее шкуры без головы, без ног, без больших, плоских ступней, которые он так любил щекотать, и без ушей, за которые он так любил дергать, он не видел ничего. От нее не осталось ничего, кроме этой обрезанной со всех сторон шкуры и *запаха*.

Но удобство помещения согрело его испуганную маленькую душу. Он чувствовал покровительственную близость непобедимой и ограждавшей его силы, и в первый раз за все время его спина взъерошилась от теплого солнечного света, и он протянул еще дальше передние лапы и уткнулся между ними черным носиком в мех матери. Точно потеряв всякую надежду разрешить тайну своего нового друга, Мики также положил морду между передними лапами и стал пристально за ним наблюдать. В его комичной голове с одним длинным ухом, а другим вдвое короче, с нелепыми, торчавшими в разные стороны бакенбардами, унаследованными им от его эрдельских предков, он старался прийти хоть к какому-нибудь решению. С самой первой же минуты он встретил Ниву как друга и сверстника, – и Нива неблагодарно отплатил ему за это его отношение здоровой трепкой. Мики мог это простить и даже забыть. Но чего он не мог ему простить ни за какие коврижки, так это крайне злобных взглядов, которыми обливал его Нива. Его шутовские заигрывания не производили на Ниву ровно никакого впечатления. Когда он лаял на него и прыгал вокруг него, ползая на животе и извиваясь, как змея, с любезным приглашением поиграть с ним в пятнашки или устроить примерную борьбу, то Нива смотрел на него, ничего не понимая, как дурак. И Мики задавал себе вопрос: быть может, Ниве нравится что-нибудь еще, кроме борьбы? Прошло много времени, прежде чем он решил попробовать сделать что-нибудь в другом направлении.

Было, по его мнению, столько времени, сколько могло пройти от завтрака до половины пути к обеду.

Все это время Нива едва шевелился, и Мики с ним стало скучно до смерти. Неудобства, пережитые от бури за истекшую ночь, уже были забыты, и над головой сияло солнце, не скрываемое ни малейшим облачком. Уже более часа назад лодка Чаллонера оставила озеро и теперь вошла в прозрачную, быструю реку, которая бежала из этого озера на юг в водоразделе между Джексоновым Коленом и Шаматтавой. Эта река была еще незнакома Чаллонеру. Она питалась водой из озера, и, опасаясь предательских порогов и быстрин, он все время держал себя начеку. Целых полчаса река текла все быстрее и быстрее, и Чаллонер был доволен тем, что ему удастся совершить переезд скорее, чем он предполагал. Но немного позднее он вдруг услышал долетевший до него спереди низкий и непрерывный шум, который дал ему понять, что он приближался к опасным местам. Когда он миновал ближайший поворот, круто опоясывавший берег,

то в четырехстах или пятистах ярдах ниже увидел перед собою торчавшую из воды скалу и около нее целый водоворот.

Глаз его быстро определил положение. Поток устремлялся между почти отвесно нависшим берегом с одной стороны и дремучим лесом с другой. Одним взглядом он определил, что проплыть под лесом для него будет удобнее, чем под скалой, но лес находился от него на противоположной стороне и сравнительно далеко. Поставив лодку под углом в 45 градусов, он изо всех сил приналег и телом и руками на весла. Еще оставалось время добраться до противоположного берега раньше, чем начнутся опасные места. Несмотря на шум от течения, теперь он мог отлично слышать доносившийся до него рев водопада снизу.

Тут, не в добрый час, Мики пришлось в голову еще раз попытаться поближе сойтись с Нивой. Он дружески замахнулся на него лапой. Для щенка лапа Мики была несоразмерно велика, а самая нога – длинна и худоцава, так что когда он зацепил ею Ниву за нос, то это походило на удар в боксе. Неожиданность этого удара повлекла за собою решительную перемену в положении; вдобавок Мики размахнулся и второй передней лапой точно палкой, хватил ею Ниву по самому глазу. Это было уже слишком, даже со стороны друга, и, внезапно заворчав, Нива выскочил из своего гнезда и сцепился со щенком.

Теперь случилось как раз наоборот: так унизительно просивший пощады во время первой схватки Мики оказался в самом воинственном настроении. Помесь макензийской породы, высоконогой, широкогрудой и самой сильной на севере, с полукровкой от эрделя и шпица должна была в чем-нибудь сказаться. И вот всегда добродушный Мики вдруг превратился в дьявола. На этот раз он уже не просил о пощаде. Он принял вызов Нивы, и не прошло и двух секунд, как они уже затеяли первоклассный поединок на маленьком, ненадежном пространстве на носу утлой лодки.

Напрасно кричал на них Чаллонер, выбиваясь из сил, чтобы избежать опасных порогов. Нива и Мики были слишком заняты собой, чтобы его услышать. Опять все четыре ноги Мики задрыгали в воздухе, но на этот раз его острые зубы крепко впились в шею Ниве. Он продолжал дрыгать и бить ногами так, что можно было поручиться, что от Нивы не осталось бы и мокрого места, если бы не случилось то, чего так опасался Чаллонер. Сцепившись вместе в один комок, они прямо с носа лодки свалились в самую быстрину реки.

Около десяти секунд они провели под водой. Затем они показались на поверхности в добрых пятидесяти футах ниже лодки, прижавшись друг к другу головами, и их быстро относило к тому месту, где их ожидала неминуемая гибель. Чаллонер кричал изо всех сил. Для него было невозможно спасти их, и в его крике слышались ноты настоящего, острого горя, потому что вот уже несколько недель Мики был для него единственным другом и товарищем.

Привязанные один к другому веревкой всего только в один аршин длиной, Мики и Нива плыли прямо к пенившемуся водовороту порогов. Для Мики это было прямо счастьем, что его хозяину пришлось в голову привязать его на одну и ту же веревку с Нивой. Будучи трех месяцев от роду, Мики состоял из восьмидесяти частей костей и всего только одной части жиров и весил целых четырнадцать фунтов, тогда как в Ниве было девяносто частей жиров, и он весил всего тринадцать фунтов. Поэтому для Мики Нива оказался спасательным кругом, и ему было за что уцепиться, тогда как сам Нива был первоклассным пловцом и почти не погружался в воду.

Ни тот ни другой из юнцов не оказались желторотыми птенцами. Оба были в воинственном настроении и готовы были бороться, и хотя Мики и пробыл под водой большую часть времени, пока они плыли свои сто ярдов после первого падения в воду, однако он ни на одну минуту не сдавался в борьбе за то, чтобы иметь возможность высунуть нос на воздух. То он поворачивался на спину, то на живот; но какое бы он ни принимал положение, он работал своими лапами, как веслами. На некотором пространстве это очень помогало Ниве в его героических усилиях удержаться от слишком быстрого движения по воде самому. Если бы он был один, то его бы понесло течением, как мяч, покрытый шерстью, прямо в быстрину, но с четыр-

надцатифунтовым грузом на шее не пойти ко дну было для него тоже очень серьезной задачей. Раз шесть он скрывался на некоторое время под водой, когда Мики терял равновесие или что-нибудь из его тела – хвост, голова или ноги – вдруг начинало тянуть его книзу. Но каждый раз Нива всплывал на поверхность, всеми четырьмя жирными лапами борясь за жизнь.

Но вот уже приблизился и водопад. К этому времени Мики уже перестал появляться над водой и, к своему счастью, уже не чувствовал в полной мере ужаса перед новым потоком, в который они должны были неизбежно низвергнуться. Его лапы уже больше не работали. Он еще ощущал в своих ушах рев от воды, но все теперь как-то смешалось и стало казаться ему менее неприятным, чем вначале. Он стал просто тонуть. Но Нива никоим образом не соглашался предаваться приятным ощущениям безболезненной смерти. И когда наступал самый финал катастрофы, то ни один медвежонок во всем свете не мог бы оказаться так настороже, как он. Все время его голова держалась над водой, и он определенно владел всеми своими чувствами. А затем вдруг сама река как-то выскользнула из-под него, и он ринулся вниз с массой воды, уже больше не чувствуя на своей шее тяжести Мики.

Какова была высота водопада, Чаллонер мог только догадываться. Если бы самого Ниву спросили об этом, то он мог бы поклясться, что летел вниз целую милю. Мики же уже не был способен ни на какие вычисления, и для него теперь было уже все равно, летел ли он вниз всего только два фута или целых две мили. Его лапы уже перестали работать, и он окончательно предоставил себя своей судьбе. Но Нива выплыл на поверхность снова, и Мики последовал за ним, как поплавок. Он уже был готов испустить свой последний вздох, когда силой течения, рикошетом отдавшегося от водопада, Ниву отбросило на край слегка залитого водой песчаного наноса. Сделав дикое, геройское усилие, Нива вытащил за голову и Мики, так что щенок повис на краю отмели, как висельник на конце своей веревки.

Глава VI

Отчаянным прыжком Нива выскочил на берег. Почувствовав под собой землю, он хотел было бежать, но вдруг увидел то, что Мики едва смог пройти по топкому месту два шага и затем, вдохнув в себя глубоко воздух, растянулся, как громадная улитка. Поняв, что его приятель в течение нескольких минут будет еще совершенно не способен продолжать путь, Нива отряхнулся и стал ждать. Но Мики быстро пришел в себя. Не прошло и пяти минут, как он встал на ноги и так бешено встряхнулся, что всего Ниву обдал грязью и водой.

Останься они на этом месте еще подольше – и уже через час или около того их нашел бы здесь Чаллонер, потому что он уже греб окольными путями как раз к этому месту, держась около самого берега и приглядываясь, не всплывут ли их трупы. Возможно, что унаследованные от целого ряда поколений инстинкты предостерегли Ниву от возможности этой встречи, потому что не прошло и четверти часа после того, как они спаслись, как он уже тянул Мики прямо в лес, и тот послушно за ним следовал. Для щенка это было новым приключением.

Но Нива испытывал истинное наслаждение. Лес казался ему своим домом даже и без матери. После безумных походов с Мики и с человеком-зверем прикосновение ступнями к мягкому бархатному ковру из сосновой хвои и знакомые запахи молчаливых глубин леса наполняли его все возраставшей радостью. Он опять был у себя дома. Он нюхал воздух, наслаждался ушами и дрожал от воодушевлявшего его сознания того, что теперь уж он будет сам себе хозяином. Это был для него новый лес, но это его мало беспокоило. Все леса были похожи один на другой; его царство составляли сотни тысяч миль вокруг него, и отличать каждый из них отдельно было для него невозможно.

Для Мики же дело обстояло совсем иначе. Он не только сознавал, что все далее и далее отходит от Чаллонера и от реки, но его все более и более приводило в смущение то, что Нива заводил его во мрак и таинственные глубины дремучего леса. Наконец он решил заявить определенный протест и, чтобы выполнить это, так неожиданно вдруг сдал назад, что Нива, бежавший на другом конце веревки, в крайнем удивлении перевернулся на спину. Воспользовавшись своим положением, Мики с энергией лошади потянул его назад к реке и так протянул его футов десять или пятнадцать, пока наконец медвежонок не смог снова встать на ноги.

Тогда началась борьба, кто кого перетянет. Повернувшись друг к другу задом и упершись передними лапами в мягкую землю, они стали растягивать веревку в противоположные стороны, пока у них не вытянулись шеи и глаза не выскочили на лоб. Нива тянул настойчивее и спокойнее, в то время как Мики, будучи собакой, то рвался вперед, то делал неожиданные судорожные отступления назад, давая этим Ниве возможность с каждым таким отступлением продвинуться хоть немного вперед. Но как бы то ни было, а вопрос в конечном счете должен был решиться так: тот будет победителем, у кого окажется крепче шея. У Нивы шея была жирная, да, кроме того, и силенки было больше. Но и Мики был тоже не дурак. В нем самом и в его длинных костях было достаточно точек приложения, чтобы иметь возможность тянуть, как на рычагах. И, протащив Ниву еще футов двенадцать, Мики принудил его наконец к сдаче, и медвежонок в конце концов должен был последовать по тому направлению, которое выбрал Мики.

В то время как инстинкты Нивы могли бы сразу, одним махом, довести его обратно до реки, намерения Мики оказались лучшими, чем его чувство ориентации. Нива следовал за ним совершенно равнодушно, когда вдруг увидел, что его приятель делает какие-то совершенно ненужные круги, которые медленно, но верно удаляли их в противоположную сторону от опасной реки. Кончилось тем, что не прошло и четверти часа, как Мики окончательно сбился с дороги; он сел на задние лапы, посмотрел на Ниву и сознался в этом низким воем.

Нива застыл на месте. Его маленькие, зоркие глаза вдруг увидели какой-то предмет, свешивавшийся в каких-нибудь пяти шагах от них с невысокого куста. Прежде чем познако-

миться со зверем в образе человека, медвежонок постоянно заботился о добывании пищи, а тут с самого вчерашнего утра ему пришлось съесть одного только жука. Желудок его был совершенно пуст, и то, что свешивалось теперь с куста, заставляло его от удовольствия глотать обильно появившуюся слюну. Это было осиное гнездо. Несмотря на свою еще такую недолгую жизнь, он уже несколько раз видел, как его мать Нузак подкрадывалась к таким гнездам, срывала их с веток, раздавливая их лапой и приглашала его позавтракать вместе с нею дохлыми осами. Весь последний месяц осы бессменно включались в их каждодневное меню, и они казались ему самым вкусным блюдом. Он потянулся к гнезду; Мики последовал за ним. Когда они находились от гнезда всего только в трех футах, Мики стал испытывать ощущение очень определенного и какого-то особого беспокойства от жужжания ос; Нива же был как у себя дома; рассчитав расстояние между гнездом и землей, он встал на задние лапы, подпрыгнул, отчего у Мики чуть не вылезли на лоб глаза, схватил гнездо передними лапами и сорвал его с сучка.

Тотчас же обеспокоившее Мики жужжание перешло в целый рев, походивший на звук от громадной дровяной пилы. Мать Нивы быстро, как молния, наступала на гнездо своей лапой и сразу же выдавливала из него всякую жизнь; Нива же по своему малолетству был способен только сорвать его и лишь немного помять. Случилось так, что три четверти всех обитателей гнезда находились дома и воинственно вылетели наружу. Прежде чем Нива успел наступить на него лапой во второй раз, осы уже целым облаком успели броситься на свою защиту, и тут-то в дикой агонии завизжал вдруг Мики. Осы опустились ему прямо на кончик носа и повисли. Нива не издал ни звука, но стоял на задних лапах, закрыв передними всю свою мордочку. Мики же, все еще визжа, стал зарываться носом в землю. В следующую минуту все осы принялись за работу. На этот раз Нива уже заворчал и повернулся задом к гнезду, потащив за собою и Мики. Щенок совсем не был способен за ним идти. На каждом квадратном дюйме его нежной кожицы сидело по осе, и он чувствовал, как раскаленные докрасна иглы впивались ему в тело. Но Нива теперь разошелся уже вовсю: его голос превратился в один непрерывный вой, и к этому его басу присоединился тонкий дискант Мики. Получилась такая какофония, что если бы проходил мимо какой-нибудь индеец, то он, наверное, предположил бы, что там танцуют черти.

Теперь уж осы, которые, так сказать, представляли собой конницу, могли бы уж и возвратиться к своей потревоженной неприятелем крепости, так как этот неприятель обратился в беспорядочное бегство, если б не совершенно потерявший голову Мики, который побежал по одну сторону березки, тогда как Нива побежал по другую. Эта неожиданность остановила их обоих на пути с такой силой, что у них обоих чуть не сломались шеи. Увидев это, осиный арьергард напал на них с новой силой. Придя в воинственный азарт, Нива перегнулся и хватил Мики по тому месту на его хребте, на котором было всего меньше волос. Уже полуослепленный и настолько вне себя от боли и страха, что совсем потерял всякую способность соображать и понимать, Мики вообразил, что острые, как бритвы, когти Нивы вонзились ему в спину еще глубже, чем укусы жужжавших так ужасно вокруг него ос, и, испустив отчаянный крик, решил дать ему отпор.

Этот отпор и послужил обоим к спасению. В своей мании постоянно извиваться, как змея, Мики обогнул березку, чтобы напасть на Ниву с другой стороны, и, когда таким образом освободилась сдерживавшая их веревка, Нива бросился искать от него спасения. Мики последовал за тем с громким лаем при каждом прыжке. Теперь Нива уже не испытывал ужаса перед рекой. Инстинкт подсказывал ему, что ему теперь нужна вода, и нужна во что бы то ни стало. И с такой же точностью, как Чаллонер двигался вперед, пользуясь своим компасом, он сломя голову помчался по направлению к реке, но, не пробежав и нескольких сот футов, они вдруг наткнулись на небольшой ручей, через который оба могли бы перепрыгнуть. Нива бросился прямо в воду, в которой оказалось около пяти дюймов глубины, и в первый раз за всю свою

жизнь Мики охотно погрузился в нее целиком. Долгое время оба лежали, и вода перекачивалась через их спины.

Небо стало казаться Мики с овчинку, и в глазах у него потемнело, так как он стал пухнуть от самого кончика носа и до самого своего костлявого хвоста. Нива же, будучи жирным, страдал менее. Он еще мог смотреть перед собою, и по мере того, как проходили в этих муках долгие часы, целый ряд воспоминаний пронесся в голове медвежонка. Конечно, все это началось с легкой руки этого зверя в образе человека. Это он лишил его матери; это он посадил его в темный мешок; это он обвязал вокруг его шеи веревку. Постепенно Нива стал считаться с тем фактом, что именно эта самая веревка и была причиной всех несчастий.

Пролежав долгое время в ручье, они наконец вышли из него и нашли мягкое сухое логовище у подошвы большого дерева. Даже для Нивы, у которого вообще было острое зрение, стало казаться в лесу темнее. Солнце уже склонялось к западу, и воздух становился прохладнее. Лежа на животе и положив распухшую голову на передние лапы, Мики жалобно скулил.

Опять и опять Нива смотрел на веревку, точно относительно ее у него зарождалась какая-то мысль. Он плакал. Частью это была скорбь по матери, а частью он просто вторил Мики за компанию. Он подлез к щенку поближе, почувствовав вдруг непреодолимое желание иметь около себя кого-нибудь близкого. Ведь не Мики же был виноват во всем! Виноватыми были двуногий зверь и... эта проклятая веревка!

Вечерний сумрак сгустился вокруг них, и, прижавшись еще теснее к щенку, Нива взял в передние лапы веревку. С ворчаньем он потрогал ее зубами. Затем, решившись, стал ее жевать. То и дело он рычал, и в этом его рычании слышалась какая-то особая осведомительная нотка, точно он хотел сказать Мики: «Разве ты не видишь? Я перегрызаю эту веревку пополам. К утру я покончу с ней. Радуйся же! Для нас настанут лучшие дни!»

Глава VII

На следующий день после неприятного приключения с осиным гнездом Нива и Мики встали на все свои восемь одеревенелых и распухших лап, чтобы приветствовать свой новый день в глубине таинственного леса, в который их закинули события предыдущего дня. Дух неукротимой юности все еще не покидал их, и хотя Мики так весь распух от укусов ос, что его худощавое тело и несоизмеримые с ним ноги стали смешны еще более, чем прежде, – он все-таки несколько не был склонен отказываться от дальнейших приключений.

Морда щенка была теперь кругла, как луна, а вся голова так распухла, что Нива мог бы подумать, что вот-вот она лопнет и разлетится на части. Но глаза Мики, насколько их можно было еще рассмотреть сквозь заплывшие веки, все еще по-прежнему горели задорным огоньком, и его большое ухо и половинка стояли так чутко, будто он каждую минуту ожидал со стороны Нивы распоряжений, что теперь делать и что предпринимать. Яд от укусов, по-видимому, не слишком на него действовал. Он чувствовал, что стал в несколько раз толще, чем был, но это его не особенно удручало.

Благодаря тучности, на Ниве как-то меньше было признаков борьбы с осами. Единственным его заметным недостатком был один совершенно закрывшийся глаз. Нива теперь глядел на все одним глазом, широко открытым и быстрым. Несмотря, однако, на то, что он так окривел, и на то, что ноги у него от укусов ос были теперь толсты, как колбасы, он все-таки был преисполнен оптимизма субъекта, увидевшего, что колесо фортуны повернулось в его сторону. Он отделался от зверя в образе человека, хотя тот и убил его мать; перед ним опять открывались леса, приглашая его к себе; веревку, на которую Чаллонер привязал его и Мики вместе к разным концам, удалось успешно перегрызть, на что он потратил целую ночь. Отделавшись сразу от таких двух зол, он не удивился бы теперь, если бы вдруг сразу из-за деревьев вышла к нему сама Нузак. Одна мысль о ней заставила его заплакать. И Мики тоже сознавал полное свое одиночество в этой новой для него обстановке и, думая все время о хозяине, плакал с ним за компанию.

Но оба были голодны. Невероятная быстрота, с которой на них свалились несчастья, не дала им возможности даже поесть. Для Мики перемена была более чем простой неожиданностью; она овладела всем его существом, и он затаивал дыхание в предположении каких-нибудь еще больших неприятностей, тогда как Нива только и думал об одном лесе.

Точно убедившись, что все было как нельзя лучше, Нива повернулся задом к солнцу, как это обыкновенно делала его мать, и отправился в путь.

Мики последовал за ним. Вот тут-то он сразу и открыл, что вся эластичность его тела куда-то исчезла. Шея не поворачивалась, ноги стали как ходули и перестали сгибаться в сочленениях, и по пяти раз в течение каждых пяти минут он припадал на болевшие коленки и спотыкался о землю, стараясь не отставать от медвежонка. В довершение всего у него так распухли веки, что он плохо видел перед собой и в который уже раз, думая, что вовсе потерял Ниву, посылал ему вслед протестующие вопли. Вдруг Нива остановился и стал обшаривать носом под гнилым свалившимся деревом. Когда Мики подошел к нему, то он лежал уже на брюхе и ел больших рыжих муравьев, стараясь ловить их как можно скорее, чтобы не упустить ни одного. Мики некоторое время наблюдал, как это он делал. Он сразу же понял, что Нива что-то ел, но ни за что на свете сам не мог бы догадаться, что именно. Будучи голоден, он приблизил свой нос к жевавшей пасти Нивы, высунул язык и стал лизать там же, где лизал и медвежонок, но ощущал одну только сухую шероховатость. И все время при этом Нива издавал радостные хрюканья, говорившие об удовлетворении. Целых десять минут он охотился на муравьев, пока наконец не съел всех до одного. После этого он отправился далее.

Немного позже они пришли к небольшому открытому пространству, где грунт был влажный и где, обнюхав почву и оглядев все кругом своим единственным глазом, Нива вдруг принялся раскапывать лапами землю. Скоро он выкопал оттуда какой-то предмет, белый, толщиной и ростом с палец человека, и с аппетитом стал его жевать. Мики удалось стащить у него кусочек, но разочарование его было велико. Предмет оказался твердым, как дерево; повертев его на зубах, Мики с отвращением выплюнул его, а Нива с благодарным ворчанием подхватил этот кусок корешка и съел.

Они отправились далее. Целых два часа, в продолжение которых у Мики еле хватало сил идти, он следовал по пятам за Нивой, и по мере того, как уменьшалась на его теле опухоль, все увеличивалось ощущение голода. Скоро голод превратился в одно сплошное мучение. До сих пор Мики не нашел ровно ничего, что ему можно было бы поесть, тогда как Нива на каждом шагу находил для себя все новые и новые яства. К концу второго часа поданный природой медвежонку счет из ее ресторана оказался прямо-таки неоплатным. Между другими блюдами он включал в себя полдюжины зеленых и черных жуков, бесчисленное количество личинок, твердых и мягких, целые колонны черных и рыжих муравьев, несколько белых червяков, добытых из самой глубины загнивших стволов, кучу улиток, молодую лягушку, яйца кулика, который улетел из-под самого носа, а из растительного царства – корешки разных деревьев и заячью капусту. То и дело Нива наклонял книзу нижние побеги тополей и откусывал с них верхушки. Кроме того, он отгрызал от елок молоденькие лапки и слизывал древесный клей там, где мог его найти, и закусывал обыкновенной свежей травкой.

Многие из этих яств попробовал и Мики. Он съел бы и лягушку, но Нива его в этом опередил. Сосновый и еловый клей только вяз у него в зубах, и от его запаха и горечи его тошнило. Между улиткой и простым камнем он не нашел почти никакой разницы, а когда он попытался съесть первого попавшегося жука, то как на грех он оказался испускавшим из себя вонючую жидкость, как это делает обыкновенный клоп, так что Мики уже не продолжал своих попыток в этом направлении. Он также откусил один раз верхушку от побега какого-то растения, но вместо тополя нарвался на что-то горькое, отчего у него целых четверть часа жгло язык. Наконец он пришел к заключению, что единственным блюдом из меню Нивы, которое он с трудом смог бы съесть, была трава.

Что касается удовлетворения своего собственного голода, то его компаньон чувствовал себя все счастливее всякий раз, как ему удавалось прибавить к странной коллекции в своем желудке еще что-нибудь новое. Нива полагал теперь, что может кататься как сыр в масле, и то и дело самодовольно похрюкивал, в особенности с тех пор, как его больной глаз стал открываться и он мог видеть лучше. Несколько раз, когда он находил новые кучи муравьев, он с радостными взвизгиваниями приглашал на праздник и Мики. Но до полудня Мики следовал за ним по пятам, как верный телохранитель. Когда же Нива очень свободно разрыл гнездо, населенное сразу четырьмя громадными шмелями, убил их и съел, то на этом Мики и решил покончить. С этого момента что-то подсказало Мики, что свое пропитание он должен был искать для себя сам. При одной только мысли об этом какая-то новая, неведомая дрожь пробежала по его телу. Глаза его теперь были открыты уже вполне, и опухоль на лапах уже опала. Кровь предков как-то сразу заговорила в нем и потребовала от него скорых и решительных действий, и он принялся за розыски еды. Он почуял еще не остывший в воздухе запах и побежал по нему, пока не выгнал куропатку, взлетевшую с громким хлопаньем крыльев. Это испугало его, но возбудило его еще больше. А еще через несколько минут, сунув нос в кучу хвороста, он уже лицом к лицу столкнулся со своим обедом.

Это был маленький кролик. Тотчас же Мики подскочил к нему и схватил его за спину. Услышав треск хвороста и крик кролика, Нива перестал есть муравьев и бросился к месту действия. Крик тотчас же прекратился, и Мики повернулся к Ниве, с триумфом держа кролика в зубах. Кролик уже не дышал, и с яростным ворчаньем Мики принялся раздирать его на части.

Нива стоял тут же и одобрительно похрюкивал. Мики заворчал еще яростнее. Нива не испугался, но продолжал бросать на Мики просительные взгляды и стал умоляюще похрюкивать, а затем не выдержал и понюхал кролика. Мики тотчас же перестал ворчать. Возможно, что он вспомнил, как Нива приглашал его не раз отведать с ним жуков и муравьев. И они съели кролика вместе. Завтрак кончился только тогда, когда от кролика не осталось вовсе не только мяса, но даже шерсти и самих костей. Затем Нива сел на задние лапы и высунул свой красный язык, в первый раз за все время, как лишился матери. Это было признаком того, что его желудок был уже переполнен и что наступил момент благодущия. Теперь уже больше ему ничего не хотелось, разве только поспать, и, томно потянувшись, он стал подыскивать себе для этого подходящее дерево.

Со своей стороны, Мики со сладостным чувством полной сытости жаждал новой деятельности. В то время как Нива тщательно разжевывал свою пищу, Мики совершенно не беспокоился о своем пищеварении и поглощал ее прямо кусками и потому успел съесть чуть не четыре пятых всего кролика. Поэтому он более не чувствовал голода. Но теперь он как-то особенно остро сознавал происшедшую с ним перемену, и это случилось с ним в первый раз за все время с тех пор, как он вместе с Нивой сорвался с лодки Чаллонера прямо в водоворот. Это случилось с ним потому, что он в первый раз убил и в первый раз отведал теплой крови, отчего во всем его существе появилось какое-то странное возбуждение, действовавшее на него сильнее, чем овладевшее им желание лечь на солнышке и сладко поспать. Теперь, когда он понял, что такое дичь, охотничьи инстинкты пробудились в каждой фибре его маленького существа. Если Нива не найдет сейчас себе для отдыха укромного местечка, то он отправится охотиться, пока будут держать его ноги.

И вдруг он с удивлением, от которого чуть не лишился своего ума, увидел, что Нива преспокойно стал взлезать по стволу на высокий тополь. Мики видел, как вползали на деревья белки и как взлетали на них птицы, – но чтобы мог вскарабкаться на дерево Нива, этого он никак не мог от него ожидать. Мики не мог прийти в себя до тех пор, пока медвежонок не расположился комфортабельно на вилообразном суку. Тогда, не поверив глазам, Мики залаял, обнюхал ствол дерева и попробовал нерешительно взлезть на дерево сам. Но, свалившись спиной на землю, он убедился, что для того, чтобы уметь взлезть на деревья, нужно быть специалистом. С чувством горького разочарования он отошел футов на пятнадцать или на двадцать и сел, чтобы обдумать положение. Он не допускал, чтобы Нива имел на дереве какие-нибудь особые занятия. Конечно, он не мог там охотиться на жуков. И Мики немного полаял, но Нива не ответил. Тогда щенок понял, что делать больше нечего, и, безутешно заскулив, лег на землю.

Но спать он вовсе не собирался. Его безумно тянуло идти вперед. Ему хотелось проникнуть еще далее в таинственные и манящие к себе глубины леса. Он более уже не испытывал той странной боязни, которая угнетала его, пока он не загрыз кролика. В какие-нибудь две минуты мать-природа совершила одно из своих чудес по воспитанию. В эти две минуты из жалкого, хныкавшего щенка Мики вдруг сразу преобразился в животное, почувствовавшее в себе новые силы и понимание. Он сразу же усвоил всю ту науку, познание которой только затягивалось благодаря его общению с Чаллонером. Он убил, и почувствованный им от этого трепет сразу же воспламенил каждый дремавший в нем инстинкт. В течение получаса, пока он лежал на животе, а Нива спал на дереве, он, держа голову настороже и прислушиваясь, прошел целый путь между состоянием щенка и сознанием взрослой собаки. Он никогда не знал своего отца, который считался знаменитой охотничьей собакой и однажды даже затравил громадного лося-самца. Но он чувствовал в себе его. Было что-то настоящее и требовательное в этом зове предков Мики. И потому, что он отвечал на этот зов и так чутко вслушивался в шептавшие ему из леса голоса, его острый слух и уловил монотонное клохтанье дикобраза.

Мики не шелохнулся. Моментом позже он услышал мягкое постукивание иголками, и вслед за тем дикобраз вышел на открытое место, поднялся на задние лапки и стал греться на солнце.

Уже тринадцать лет этот дикобраз безмятежно жил в этом самом местечке дикого леса. В своем преклонном возрасте он весил целых тридцать фунтов. В это послеполуденное время, собираясь так поздно пообедать, он был более, чем обыкновенно, счастлив. В лучшем случае он плохо видел. Природа не постаралась создать его видящим далеко и взамен этого снабдила его острыми иглами, которыми он мог бы защищаться. Находясь в каких-нибудь тридцати шагах от Мики, он совершенно не замечал его, по крайней мере так казалось; и Мики еще плотнее прижался к земле, так как быстро пробудившийся в нем инстинкт подсказал ему, что связываться с таким странным животным с его стороны было бы неумно.

Чуть не целую минуту дикобраз простоял на задних лапках, напевая свою, дикобразью песню, без всякого видимого движения телом. Он стоял к Мики в профиль и походил на почтенного чиновника.

Он был так толст, что у него выпячивалось вперед брюхо, точно полушарие, и на этом брюшке он сложил передние лапки так, что совершенно походил на человека и скорее был похож на беременную женщину, чем на мужчину.

Вслед за тем Мики увидел дикобразиху, которая исподтишка вылезала из-под куста невдалеке от дикобраза. Несмотря на уже преклонные годы, бес ударил старого дикобраза в ребро, он почувствовал в себе романтические порывы и тотчас же стал проявлять свои хорошие манеры и изящество. Он начал со смешного любовного танца, переступая с одной ноги на другую, так что стал трястись его живот, и заклохтал еще громче, чем до этого. Чары дикобразихи были способны вскружить голову даже не такому старику, каким был дикобраз. Поэтому она даже и виду не подавала, что ей понравился любовный танец старого селадона, и, почувствовав это, он тотчас же изменил свою тактику и, опустившись на все свои четыре ноги, точно сумасшедший вдруг стал ловить себя за остроконечный хвост. Когда же он перестал это делать и огляделся, чтобы увидеть, какой это произвело на нее эффект, то, к своему разочарованию, заметил, что она уже скрылась.

Затем он как-то глупо уселся на одном месте и не проронил больше ни звука. Потом, к изумлению Мики, он отправился прямо к тому дереву, на котором спал Нива. Как оказалось, это дерево служило для дикобраза столовой, и он, все время что-то бормоча себе под нос, стал на него взбираться. Шерсть на Мики оцетинилась. Он не знал, что дикобразы, как и вся их порода, – самые добродушные существа в мире и никогда никому не причиняют вреда, если их не трогать первыми. Совершенно не имея об этом понятия, он вдруг бешено залаял, чтобы предупредить Ниву.

Нива медленно пробудился и, открыв глаза и увидев прямо перед собой остроконечную морду, задрожал от страха. С внезапностью, благодаря которой он был на волосок от падения со своего места прямо на землю, он вскочил и стал взбираться выше на дерево. Но на дикобраза это не произвело ни малейшего впечатления. С горя, что на него не обратила внимания дикобразиха, он весь теперь был поглощен предвкушением своего обеда. Он продолжал не спеша вскарабкиваться на дерево, и, чтобы уступить ему дорогу и дать ему возможность без помехи пройти далее, Нива отступил назад на боковую ветку.

К несчастью для Нивы, это была та самая ветка, на которой дикобраз ел в предыдущий раз, и поэтому и он тоже свернул на нее и стал идти по ней же, совершенно не обращая внимания на то, что на ней уже находился и медвежонок. Видя это, Мики стал снизу так пронзительно лаять, что дикобраз стал наконец догадываться, что случилось что-то не совсем обычное. Он поглядел вниз на Мики, который в напрасных усилиях старался вспрыгнуть на ствол дерева; затем равнодушно отвернулся от него и тут только впервые, с видимым интересом, увидел Ниву. Нива же в это время с трудом держался на ветке, уцепившись за нее сразу всеми

четырьмя своими лапами. Сделать что-нибудь на этой ветке, которая под тяжестью двух тел уже опасно свесилась книзу, для него, казалось, было уже невозможно.

В эту самую минуту дикобраз стал злобно ворчать. Неистово залаяв в последний раз, Мики отошел от ствола, сел на задние лапы и стал наблюдать, чем разрешится эта потрясающая драма, разыгрывавшаяся над его головой. С каждой минутой дикобраз продвигался все далее и далее вперед, а Нива шаг за шагом от него отступал, пока наконец не сорвался совсем и не повис на ветке спиной к земле. Тогда дикобраз перестал наступать и спокойно принялся за свою еду. Две или три минуты Нива висел вниз головой. Два раза он старался как-нибудь вытянуться, чтобы достать до веток, росших ниже его, но все было напрасно. Наконец его задние ноги соскользнули с ветки, и он несколько времени принужден был висеть только на одних передних. А затем, не удержавшись и на них, он свалился с высоты целых пятнадцати футов прямо на землю. Он так громко шлепнулся около Мики животом, что из него даже вышел воздух. Потом он с хрюканьем поднялся, посмотрел с удивлением на дерево и без дальнейших объяснений с Мики со всех ног пустился в самую глубину леса – прямо навстречу тем приключениям, которые должны были послужить пробным камнем для них обоих.

Глава VIII

Нива остановился только тогда, когда они пробежали уже по крайней мере с четверть мили.

Мики показалось, будто он сразу же после солнечного дня попал во мрак вечера. Часть леса, в которую так стремительно ввел его Нива, показалась ему обширной, таинственной пещерой. Даже Чаллонер остановился бы здесь, приведенный в смущение величием молчания, замороженный загадочным шепотом вершин деревьев – единственным звуком в этом лесу. Солнце стояло еще высоко, но его лучи не проникали сквозь зеленый густой колтун из листьев и хвои, точно потолок сплетшихся в одну массу над головами Мики и Нивы. Вокруг них не было ни кустика, ни молодых порослей; под их ногами не росло ни цветочка, ни малейшей былинки. Только один толстый, мягкий бархатный ковер из рыжих, опавших с сосен иголок, который заглушил всякую растительную жизнь. Как будто бы в этом месте нимфы устроили для себя спальню, защищенную во всякое время года от ветра, дождя и снега; или точно оборотни избрали для себя это место, чтобы из этого заколдованного, мрачного убежища делать на сынов человеческих свои бесплотные набеги.

Ни одна птичка не попискивала в деревьях. В их плотно сомкнувшихся ветвях не слышалось ни малейшего движения жизни. Кругом стояла такая тишина, что Мики слышал даже биение жизни в своем собственном теле. Он поглядывал на Ниву, и в полумраке глазки медвежонка сверкали странными огоньками. Ни один из них не испытывал страха, но в этом молчании пещеры их дружба возродилась снова, и в их маленьких, диких сердечках закопошилось вдруг что-то такое, что заполнило в них пустоту, оставшуюся у Нивы после смерти матери, а у Мики – после потери хозяина. Щенок ласково заскулил, и Нива ответил ему мурлыканьем, исходившим из самой глубины горла, и последовавшим затем хрюканьем, походившим на хрюканье домашнего поросенка. Они подошли друг к другу поближе, стали плечом к плечу и принялись оглядываться по сторонам. А затем, немного погодя, они отправились далее, как два маленьких ребенка, которые стараются проникнуть в тайну старого, заброшенного дома. Они не охотились, но в них проснулись все их охотничьи инстинкты, и они то и дело останавливались, чтобы оглядеться, прислушаться и понюхать воздух.

Все это напомнило Ниве о той темной берлоге, в которой он родился. А что, если его мать появится сейчас из этих темных лесных глубин? Не спит ли она здесь, как когда-то предавалась спячке в своей мрачной берлоге? Эти вопросы невольно, хотя и туманно, приходили ему на ум. Ведь все здесь так походило на берлогу, в которой было так мертвенно-молчаливо, и уже на коротком расстоянии здесь мрак сгущался в непроницаемую тьму. Такие места индейцы обыкновенно называют «мухнеду» – лесные пространства, лишённые всякой жизни благодаря присутствию нечистых духов, ибо только они, нечистые духи, по их мнению, приказывают деревьям расти так густо, чтобы они не пропускали сквозь листву солнечных лучей. И только одни совы водят здесь компанию с нечистой силой.

Там, где теперь стояли Мики и Нива, замедлил бы шаги и дикий волк и повернул бы назад; лисица шарахнулась бы прочь, бросившись со всех ног обратно; даже бессердечный горноста́й, пожалуй, безбоязненно заглянул бы сюда своими круглыми, как бусинки, красными глазами, но тотчас же, под влиянием инстинкта, убежал бы в более открытые лесные пространства. Потому что здесь, вопреки тишине и мраку, чуялось *что-то живое*. В засаде, в самой глубине темных вершин деревьев, это «что-то» жило и поджидало. Оно насторожилось даже тогда, когда Нива и Мики только впервые нарушили своим приходом эту тишину, и со всех сторон, точно круглые шарики, засветились на них зеленоватые огоньки – чьи-то глаза. Это «что-то» не издало ни малейшего звука и не сделало в густых вершинах деревьев ни малейшего движения. Это были призраки «мухнеду» – громадные совы, которые глядели не мигая,

о чем-то тяжело думали и ожидали. И вдруг громадная тень слетела вниз с темного хаоса ветвей и бесшумно пролетела как раз над самыми головами Нивы и Мики, и так близко, что они могли слышать грозный рокот гигантских крыльев. Как только это подобное призраку существо скрылось, до них донеслись шипение и шелканье крепким клювом. Дрожь пробежала по всему телу Мики. Инстинкт, который все время влек его к борьбе и бурно копошился в нем, вдруг как взрыв пороха вырвался наружу. Он быстро почуял близость неведомой и неминуемой опасности. Крепко упершись в землю своими большими передними лапами и задорно подняв голову к темным вершинам деревьев, Мики поднял отчаянный лай, и даже скорее не лай, а вой. Ему хотелось, чтобы птица сама налетела на него. Он страстно желал потрепать ее за перья, и, в то время как он так дерзко вызывал своего соперника на бой, Нива вдруг вскочил на ноги и с жалобным воплем со всех ног бросился бежать без остановки. Если Мики не сознавал всей опасности, то он, Нива, вполне понимал создавшееся положение. Им руководил инстинкт, усвоенный бесчисленным количеством его предков. Он знал, что там, в этих мрачных глубинах леса, над ними и вокруг них таилась смерть, – и убегал так, как не убегал еще ни разу в жизни. Мики следовал за ним.

Они увидели над собой проблеск солнечного света. Деревья стали толще, и скоро опять начал пробиваться к ним день, так что теперь они уже более не находились в полных мрака и пустоты лесных тущобах. Если бы они пробежали еще хоть сто ярдов далее, то они очутились бы на опушке леса, у широкого, открытого пространства, на котором и охотились обыкновенно те совы. Но чувство самосохранения еще не оставило Ниву; он все еще слышал над собой гудевшие, точно отдаленный гром, крылья совы; поэтому, когда он увидел на своем пути нагроможденные бурями друг на друга стволы старых деревьев, то он так быстро юркнул под них, ища защиты, что несколько времени Мики недоумевал, куда он мог так скоро скрыться. Заполз туда же вслед за ним и сам Мики, повернулся и высунул голову наружу. Он был разочарован. У него все еще были оскалены зубы, и он продолжал ворчать. Ему было жаль, что он побежал вслед за Нивой, и хотелось вернуться обратно, чтобы покончить с врагом. Кровь эрдельской породы и шпипца заговорила в нем еще сильнее, чем прежде, и он нисколько не боялся поражения. Кровь же отца толкала его на единоборство. Это было настоятельным требованием его породы, этой смеси в нем волчьей наглости и лисьей настойчивости с громадной физической силой макензийской собаки. И если бы Нива не забился так трусливо в самую глубину бурелома, то он обязательно побежал бы обратно и вызвал бы лаем на бой своего пернатого соперника, от которого так позорно пришлось теперь убежать.

Почти целый час Мики не двинулся с места, и в этот час, как и тогда, когда он в первый раз загрыз кролика, он почувствовал, что он сразу же вырос. Когда же наконец осторожно выполз из своей лазейки, то солнце уже заходило за находившиеся на западе леса. Он огляделся, насторожился, нет ли где какого-нибудь движения, и прислушался к звукам. Жалкие, точно у просившего извинения щенка, манеры уже сошли с него. Теперь он выпрямился. Его угловатые до этого ноги вдруг стали крепки, точно выточенные из прочного дерева; тело напряглось; уши насторожились; голова гордо приподнялась между крепкими, широкими плечами. Теперь он знал, что вокруг него и перед ним открывалось сказочное царство приключений. Развернувшийся перед ним мир уже не был теперь для него аренной ребяческих игр и сладкого сна на коленях у своего хозяина. Нет, теперь что-то более важное и значительное открывалось перед ним впереди. Он лег на живот, полежал некоторое время у лазейки и стал перегрызать веревку, спускавшуюся с шеи. Солнце закатилось еще ниже. Затем оно и вовсе скрылось. И Мики все еще ожидал, когда наконец Нива вылезет из своего заточения и ляжет с ним рядом на открытом воздухе. А когда сумерки сгустились в более глубокий мрак, то он сунулся было обратно в лазейку, но почти тут же натолкнулся на выходящего Ниву. Они вместе стали вглядываться в таинственные пространства ночи.

Некоторое время продолжалась абсолютная тишина, которая обыкновенно наступает на севере в первый же час темноты. На чистом небе стали зажигаться звезды, сперва по парочкам, а потом вдруг высыпали все. Появилась молодая луна. Она уже стояла, задрав рожки, над лесами, посылая от себя золотые потоки, и в этих потоках ночь казалась еще более наполненной причудливыми густыми тенями, которые не двигались и не издавали звуков.

Долго лежали они так, бок о бок, все время не спали и прислушивались. По ту сторону бурелома слышались мягкие шаги выдры, и они почуяли ее запах; издали до них донеслись крик шакала, брехня беспокойной лисицы и мычание лося, щипавшего траву на берегу озера, замыкавшего равнину. А затем, наконец, случилось то, что заставило у них кровь потечь быстрее и их самих почувствовать глубокое замирание сердца.

Сначала это казалось на далеком расстоянии от них – яростный вой волков, очевидно гнавшихся за добычей. Он волнами врывался в равнину с северной стороны, и эти волны доносились до них вместе с порывами дувшего с северо-запада ветра. Потом вой целой стаи стал слышаться совсем уже отчетливо, и туманные образы и почти не поддававшиеся пониманию воспоминания, мирно до сих пор дремавшие в мозгу у Мики, вдруг воплотились в жизнь. Это заговорил в нем не голос Чаллонера, который он слышал уже не раз, но это были голоса, *которые были ему уже давно знакомы*: голоса его гиганта отца Гелы, голоса его матери Нумы и голоса всех его предков за сто, а может быть, и за тысячу поколений до него; и этот его инстинкт достался ему именно от этих поколений, и эти его ранние детские воспоминания были унаследованы им именно от них. Несколько позже он научился уже распознавать по внешнему виду волка и собаку и находить между ними разницу. Но в настоящую минуту, именно теперь, когда этой разницы он еще не знал, голос его крови дошел и до него помимо всякой его воли. Он забыл о Ниве. Он уже не обратил внимания на то, как испуганный медвежонок снова и еще глубже забился под бурелом. Он поднялся на ноги, выпрямился, и для него уже не существовало более ничего на свете, кроме доносившегося до него красноречивого языка стаи волков.

Как стрела, напрягши все свои силы и стараясь обезумевшими глазами проникнуть сквозь мрак ночи, чтобы увидеть хоть отдаленный блеск воды, которая могла бы послужить ему защитой, молодой олень спасал свою жизнь от настигавших его волков. Они были от него всего только в каких-нибудь ста ярдах. Их стая уже окружила его в виде подковы и уже готова была сомкнуть вокруг него оба ее конца, а затем перекусить ему жилы на ногах и убить. В эти последние минуты все волки вдруг сразу затихли, и молодой олень почувствовал свой конец. С отчаянием он рванулся направо и влетел как молния в лес.

Мики услышал, как он бежал прямо на него, и отступил поближе к бурелому. Десятью секундами позже олень уже промчался мимо него, всего только в двух-трех саженях от него, в виде большой, причудливой тени, освещенной луной; Мики услышал его надрывные, глубокие вздохи, полные агонии и безнадежности от приближавшей смерти. Он так же скоро и скрылся, как и прибежал, и вслед за ним, совсем около Мики, вдруг пронеслись бесшумно, как тени, гнавшиеся за оленем волки; они промчались так быстро, что Мики показалось, будто это налетел и пронесся мимо ветер.

Целые минуты после этого он стоял и напряженно прислушивался, но тишина снова воцарилась среди ночи. Затем он забрался под бурелом и улегся рядом с Нивой.

Он провел ночь в беспокойном, отрывочном сне. Ему снилось то, что он уже давно успел забыть. Ему приснился Чаллонер, привиделись холодные ночи и большие костры; он слышал во сне голос своего хозяина и почувствовал опять прикосновение к себе его руки. Но над всем этим распространялся и все это могуче застилал собой дикий, охотничий призыв его далеких предков.

Едва забрезжил свет, как он уже вылез из-под бурелома и стал обнюхивать ту дорогу, по которой пробежали вчера олень и стая волков. До сих пор Нива руководил Мики в их взаимных скитаниях; теперь их роли переменились: Нива стал следовать за ним. Ноздри Мики

наполнились густым запахом, оставленным волками, и он определенно повел Ниву по направлению к равнине. Чтобы выбраться к опушке леса и выйти на равнину, для него потребовалось всего только полчаса.

Здесь он остановился.

В двадцати футах ниже его и в пятидесяти в сторону оказался полуобъеденный скелет молодого оленя. Но не это заставило Мики почувствовать разлившуюся по всему его телу дрожь, так как сердце его оставалось спокойным. Из ближайших кустов выходила отставшая от стаи волчица, чтобы воспользоваться мясом животного, которого она вовсе не ловила. Это было противное на вид, вислозадое, с оскаленными зубами существо, страшно похудевшее после болезни от отравленной приманки, на которую оно попало; от нее так и отдавало коварством, трусостью и тем, что она пожирала своих же собственных волчат. Но для Мики это было все равно. В ней он видел живые плоть и кровь своей матери, воспоминание о которой смутно еще жило в нем и которую он чуял в волчице благодаря инстинкту. С минуту или две он провел весь дрожа, а затем спустился вниз с таким видом и чувством, как если бы подходил к Чаллонеру; он сделал это с большими предосторожностями, с еще большей нерешительностью, но со странным томлением духа, какого не могло бы вызвать в нем присутствие даже человека. Он находился от волчицы всего только в двух шагах, когда она почувствовала его около себя. Запах матери вдруг теплом донесся до его обоняния и наполнил всего его неизъяснимой радостью. И все-таки Мики еще боялся. Но это был не физический страх. Растянувшись на земле и положив морду между передними лапами, он жалобно заскулил.

Волчица тотчас же обернулась, оскалила зубы во всю длину челюстей, и ее налившиеся кровью глаза вдруг прыснули в него угрозой и подозрением. Мики не имел времени, чтобы отпрыгнуть прочь или издать какой-нибудь звук. С быстротою кошки старая чертовка бросилась на него и укусила его. Ее челюсти сомкнулись, и она тотчас же убежала. От ее укуса у него из плеча потекла кровь, но не боль от раны заставляла его некоторое время оставаться на месте и быть настолько спокойным, что его можно было бы принять за мертвеца. На том месте, где только что была волчица, все еще держался запах матери. Его мечты разлетелись в прах. То, что сохранила еще для него память, тотчас же и умерло с первым же глубоким вздохом от невыносимой боли; и для него, как и для Нивы, теперь уже больше не существовало ни Чаллонера, ни матери. Но вместо них перед ним открывался весь мир! В нем восходило и заходило солнце, из него истекали трепет и аромат жизни. А тут же около него – совсем близко от него – веяло густым приятным запахом сырого мяса.

Он жадно его понюхал. Затем он обернулся и увидел, что черный, со смешной обезьяньей мордочкой Нива уже неуклюже сползал к нему вниз, чтобы вместе с ним приняться за завтрак.

Глава IX

Они ели, как только могут есть проголодавшиеся животные. Будучи в высокой степени практичными, они не оглядывались назад и не думали о том, что с ними случилось, а целиком погрузились в использование настоящего. Несколько дней встряски и приключений, через которые они прошли, показались им целым годом. Скорбь Нивы по матери стала все более и более затихать, а Мики уже совсем примирился с потерей своего хозяина и уже освоился со своим положением. От последней ночи у них еще свежи были в памяти громадная таинственная птица в лесу, олень, затравленный и зарезанный волками, и (в частности для Мики) короткая, жестокая расправа с ним волчицы. В том месте, где онахватила Мики зубами за плечо, у него все еще стояла жгучая боль, но тем не менее это не лишало его аппетита. Все время ворча во время еды, он нажирался до тех пор, пока наконец, как говорится, не отвалился от нее совсем.

Тогда он сел на задние лапы и стал смотреть по тому направлению, куда скрылась волчица. Оказалось, что она ушла на восток, по направлению к Гудзонову заливу, через обширную долину, тянущуюся между двух невысоких горных хребтов, которые, как две стены леса, окрашенные утренними лучами солнца в желтый и зеленый цвет, уходили далеко-далеко к горизонту. Мики даже и не воображал до сих пор, как все на свете обстоит совсем иначе, чем он это себе до сих пор представлял. Перед ним широко открывался полный чудес, многообещающий рай: широкие, мягкие, зеленые луга, группы лесов, похожие сперва на городские парки, а затем переходившие постепенно в более густые и более дремучие леса, большие полосы кустарников, весело зеленевших на солнце, там и сям проблески воды, а в полумиле далее – озеро, точно гигантское зеркало, оправленное в ярко-зеленую раму из листьев и хвои.

Вот туда-то и ушла волчица. Он подумал: не вернется ли она обратно? И понюхал: не пахнет ли ею воздух? Но в его сердце уже больше не было тоски по матери. Что-то уже стало говорить внутри его, что между волком и собакой – большая разница. Вначале он еще смутно надеялся, что где-то на свете еще есть его мать, – и вот ошибся, приняв за нее эту волчицу. Но теперь уж его не проведешь! Еще бы немножко – и волчица вовсе откусила бы у него плечо или, что еще хуже, точно в клещах сжала бы его горло. Но уж это больше не повторится. В него уже стал внедряться Единый Великий Закон, непримиримый закон, состоящий в том, что выживает всегда и остается победителем всегда только сильнейший. Жить – значит бороться, убивать; уничтожать все, что только ходит и летает. Повсюду подстерегают его опасности – и на земле, и в воздухе. После потери Чаллонера только в одном Ниве, в этом осиротевшем медвежонке, он нашел сердечного друга. И он направился к Ниве, оскалив по дороге зубы на какую-то ярко оперенную птицу, которая по крошечным кусочкам склевывала с оленя мясо.

За несколько минут перед тем Нива весил двенадцать фунтов; теперь же стал весить целых пятнадцать. Его брюхо распухло, как бока туго набитого дорожного мешка, и он сидел теперь, сгорбившись, на теплом солнышке, облизываясь и безгранично довольный собою и всем окружающим. Мики потерял об него, и Нива по-приятельски захрюкал. Затем он повернулся на спину и пригласил Мики поиграть с собой. Это случилось с его стороны в первый раз; и Мики с веселым лаем стал на него прыгать. Царапаясь, кусаясь, давая друг другу пинки и сцепившись в дружеской свалке, во время которой Мики сердито ворчал, а Нива хрюкал и взвизгивал, как настоящий поросенок, оба они неожиданно скатились с откоса вниз. До конца откоса было не менее сотни футов, и они полетели, точно два шара, перевертываясь через головы на всем его протяжении. Ниве это понравилось. Он был кругл и жирен и катился вниз легко.

Совсем другое дело было для Мики. Он весь состоял из ног, кожи и выступавших наружу костей и, катясь, то и дело сбивался, перекувыркивался и съезживался в комок, пока наконец,

скатившись вниз окончательно, не шлепнулся об землю с такой силой, что почувствовал головокружение, и уже решил, что из него уже и дух вон. Кое-как с глубоким вздохом он поднялся на ноги. Некоторое время весь мир кружился и вертелся вокруг него с такой настойчивостью, что его стало тошнить. Затем он встряхнулся, овладел собой и отошел от Нивы на несколько шагов.

Нива только что очухался от такого развеселого открытия. После мальчика на санках и бобра на его плоском хвосте, никто так не наслаждался катанием с горы, как маленький, черный медвежонок, и, пока Мики приходил в себя и собирался с духом, Нива уже вскарабкался обратно на двадцать или тридцать футов в высоту и преспокойнейшим образом скатился вниз еще раз! Мики даже раскрыл рот от удивления. И опять Нива взобрался наверх и снова скатился вниз – и у Мики даже перехватило от этого дыхание. Целых пять раз он наблюдал, как Нива то поднимался наверх на двадцать или тридцать футов, то скатывался обратно. После пятого раза Мики набросился на Ниву и дал ему такого тумака, что дело чуть не кончилось дракой.

После этого Мики стал производить разведку вдоль подошвы ската, и на пространстве сотни футов Нива охотно следовал за ним, но далее наотрез отказался идти. На четвертом месяце своей жизни, полный юношеского самоудовлетворения, он был доволен тем, что природа произвела его на свет и что поэтому он с бесконечным удовольствием мог наполнять свой желудок. Для него еда была единственной и главной целью его существования. То же, что Мики, по-видимому, задумывал вовсе бросить такой вкусный и сочный остов молодого оленя, наполнило Ниву тревогой и вызвало в нем дух сопротивления. Несмотря ни на что, он отбросил в сторону всякие помышления об играх и прямо отсюда отправился к тому занятию, которое составляло сто процентов всей его деятельности.

Заметив это, Мики бросил свою разведку и присоединился к нему. Они побежали вместе к остову оленя и, когда были от него всего только в двадцати ярдах, принуждены были спрятаться за ближайшую грудку камней, чтобы наблюдать оттуда. То, что они увидели, заставило их смутиться и остолбенеть. Две громадные совы, одна белая, а другая коричневая, отдирали мясо от костей и пожирали его. С другой стороны из-за невысокого кустарника выходила волчица. С облезлой спиной, с красными глазами, с лохматым хвостом, извивавшимся, точно змея, она была похожа на злодейку и серой, мстительной тенью прокрадывалась на открытое место. Отвратительная внешне, она все-таки не оказалась трусихой. Она бросилась прямо на белую сову с таким рычанием и стремительностью, что это заставило Мики еще плотнее припасть к земле.

Волчица глубоко вонзила свои клыки в перья белой совы. Захваченная врасплох, сова, наверное, лишилась бы своей головы еще раньше, чем успела бы приготовиться к борьбе, если бы не сова коричневая. Подняв от оленьего мяса свою измазанную кровью голову, она с пронзительным горловым криком, с таким криком, какого не бывает больше ни у одного живого существа на свете, бросилась на волчицу. Она вонзила ей в спину свой клюв и когти, и волчица выпустила свою жертву из пасти и яростно бросилась на своего нового врага. Таким образом, на некоторое время белая сова была спасена, но зато на долю коричневой выпала самая трагическая судьба. Каким-то случайным, счастливым движением волчице удалось схватить своими длинными, зубастыми челюстями ее за огромное крыло и буквально вырвать его из тела. Визг агонии, который испустила коричневая сова, говорил о смерти; тогда белая сова поднялась на воздух, несколько поколебалась и затем быстро и с такой силой опустила на спину волчицы, что у той подкосились ноги.

Белая сова глубоко запустила волчице под кожу свои острые когти и с мстительностью и с жестоким упорством вступила с ней в борьбу не на жизнь, а на смерть. В этой схватке волчица почувствовала около себя призрака конца. Она бросилась на спину и стала кататься из стороны в сторону; она громко завывала и забарахталась ногами в воздухе в тщетных усилиях освободиться

от острых когтей, все глубже и глубже впивавшихся в ее внутренности. Белая сова цепко висела на ней, перекатываясь вместе с нею с боку на бок, хлопая своими гигантскими крыльями и сжимая свои когти с такой хваткой, какую была бы не в состоянии разжать сама смерть. А тем временем на земле умирала ее коричневая товарка. Кровь вытекала у нее из раны на боку, но, уже видя перед собою призрак смерти, она все-таки старалась напрячь последние усилия, чтобы хоть чем-нибудь помочь своей заступнице. И, героиня до конца, белая сова не разжимала своих когтей, пока не умерла и сама.

Волчица поплелась в ближайшие кусты. Там она освободилась от громадной совы. Но все ее тело было исполосовано глубокими ранами. Кровь текла у нее из живота, и по мере того, как она старалась пробраться в самую чащу, за ней оставался ярко-красный след крови. Пройдя с четверть мили, она повалилась под ветви молодой сосны. И здесь немного позже околела.

Для Мики и Нивы эта свирепая схватка еще более расширяла рамки скромного, но с каждым днем увеличивавшегося понимания тех загадок, которыми так полон был мир. Они и сами убивали животных – Нива своих жуков, лягушек и шмелей, Мики – своих кроликов, и только потому, что им обоим хотелось есть. Они проходили через те опыты, которыми с самого их первого вступления в жизнь доказывалась существовавшая кругом азартная игра со смертью. Но для такой бесполезной и ненужной борьбы, которую они только что видели своими собственными глазами и которая происходила вот тут на открытом воздухе, так сказать, у самых их дверей, требовалась какая-то высшая точка напряжения – и это дало им новую точку зрения на жизнь.

Много времени прошло, прежде чем Мики вышел вперед и стал обнюхивать дохлую сову. Теперь уж у него не было ни малейшего желания подбежать к ней и в порыве ребяческого торжества и жестокости начать ощипывать с нее перья. Теперь уж в нем вместе с большим пониманием родились и новые силы, и новые знания. Смерть этих обеих сов научила его признавать бесценное значение молчания и осторожности, потому что он теперь знал, что на свете есть много живых существ, которые не испугаются его и не убегут при его появлении от страха прочь. Теперь уж он отбросил в сторону свою безбоязненность и вызывающее презрение к крылатым существам; он понял, что земля принадлежит не ему одному и что для того, чтобы получить на ней для себя хоть маленький уголок, он должен будет сражаться так, как сражались вот эти волчица и две совы.

В Ниве же процесс дедукции совершился совсем иначе. Его порода не была предназначена природой для драк, за исключением разве тех редких случаев, когда медведи ссорились между собой. Она не создала для медведей обычая питаться исключительно животной пищей, и другие животные не охотились на них. Кроме того, ведь не виноват же он был в том, что появился на свет медведем! Ни одно живое существо во всей округе, где он родился, не было достаточно сильно, ни в единственном числе, ни в группах, чтобы свалить взрослого черного медведя в открытой борьбе. Поэтому Нива ровно ничего не знал о таких сражениях, как трагедия волчицы и сов. Пожалуй, его преимуществом являлась колоссальная осторожность; теперь же его главным интересом было то, чтобы никакие волчицы и совы больше не прикасались к остову оленя. Он принадлежал ему, и на костях у него все-таки кое-что еще оставалось.

Широко открыв свои кругленькие глазки в ожидании какой-нибудь новой неприятности, он постарался поскорее скрыться в укромное местечко, тогда как Мики принялся за обследование поля сражения. От трупа совы он перешел к костяку оленя, а от него направился по следу волчицы, все время обнюхивая его, к тем кустам, куда она скрылась. У их опушки он набрел на вторую сову. Он не пошел дальше и возвратился к Ниве, который за это время решил, что опасаться больше нечего, и вышел из своей засады.

Наступила светлая звездная ночь, и всю ее оба они почти что не спали, а все вздрагивали и прислушивались. А на самом рассвете они сошли к костяку и поели. И так день потянулся за днем, и ночь последовала за ночью, и мясо и кровь оленя вливали в Ниву и Мики силу и

рост, и они быстро развивались. Уже на четвертые сутки Нива стал таким толстым и гладким, что весил вдвое больше, чем тогда, когда свалился с лодки в воду. Мики тоже стал полнеть. Теперь уже нельзя было сосчитать все его ребра с далекого расстояния. Грудь его развилась, ноги потеряли свою угловатость. Практика на костях оленя развила ему челюсти. По мере своего развития он все меньше и меньше стал чувствовать в себе прежнее ребяческое желание поиграть и все больше и больше стал проявлять беспокойное стремление к охоте. В одну из ночей он опять услышал вой гнавшихся за кем-то волков и почувствовал в себе что-то дикое, влекшее его к себе и заставившее его испытывать какую-то странную дрожь.

Нива, тучность, добродушие и самодовольство были синонимами. Пока около него был достаточный запас еды, он не испытывал никаких искушений уйти с этого места. Два или три раза в день он спускался к ручью; каждое утро и вечер, в особенности во время захода солнца, он забавлялся тем, что скатывался вниз по откосу. Вдобавок к этому каждый день после обеда он усвоил себе привычку спать на ветвях сосны. А так как Мики не испытывал ни желания, ни спортивного чувства к тому, чтобы тоже скатываться с горы вниз, и так как не умел взбираться на деревья, то он и стал проводить больше и больше времени в рекогносцировках. Ему очень хотелось, чтобы и Нива принимал участие в таких его экспедициях. Но ему не удавалось это до тех пор, пока он не заставлял Ниву насильно сойти с дерева вниз или пока ему не удавалось наконец всеми правдами и неправдами сбить его в сторону с его единственного пути, который он совершал к водопою и обратно. Но упорство Нивы все-таки не вносило между ними никакой заметной розни. Мики был для этого слишком хорошего о нем мнения, и если бы в конце концов дошло до окончательного решения и Нива получил бы уверенность, что Мики в самом деле не вернется к нему более уже никогда, то он, без сомнения, последовал бы за ним куда угодно.

Но явилось другое, и притом более могущественное, чем обычные ссоры, обстоятельство, которое поставило между ними первый большой барьер. Мики принадлежал к той породе животных, которая всегда предпочитает свежее мясо, тогда как Ниве более нравилось мясо «с душком». На четвертые сутки то, что еще оставалось от оленя, стало пованивать. На пятый день Мики ел уже с трудом, а на шестой – и вовсе от него отказался. Но для Нивы с каждым днем, по мере того как вонь становилась все гуще и отвратительнее, мясо приобретало еще большую пикантность. А на шестой день, для еще большего удовольствия, он стал по нему кататься. В эту ночь, в первый раз за все время, Мики не мог спать с ним рядом.

Седьмой день был еще чреватее. От оленя уже смердело до самого неба. Легкий июньский ветерок разносил эту вонь и вверх, и вниз, и во все стороны, пока наконец не слетелись отовсюду вороны и не заняли этого места. Это заставило Мики с видом высеченной дворняжки удалиться к самому ручью. Когда Нива сошел к нему в это утро, чтобы попить, то от него так воняло, что Мики обнюхал было его, а затем бросил его и убежал. Да и на самом деле между Нивой и костяком оленя было теперь очень мало разницы, за исключением разве только того, что один из них лежал без движения, а другой еще двигался. Но оба смердели ужасно; оба определенно были «с душком». Далее вороны стали кружиться около Нивы, не понимая в удивлении, почему именно он бродил, как живое существо, когда по запаху был падалью.

В эту ночь Мики спал один, у самого ручья, забившись под нависший куст. Он был голоден и чувствовал себя одиноко и в первый раз за все время осознал безграничность и пустоту вселенной. Ему было скучно без Нивы. Он скулил по нему в звездное молчание долгих часов между заходом солнца и рассветом. А солнце было уже высоко, когда наконец Нива соблаговолил к нему сойти. Медвежонок только что окончил свой завтрак и свое утреннее скатывание шариком с горы, и от него воняло еще больше, чем накануне. Опять Мики старался всеми правдами и неправдами привлечь его к себе, но Нива, по-видимому, бесповоротно решил остаться при своем отвратительном вонючем блаженстве. И в это утро более, чем обыкновенно, он был обеспокоен необходимостью как можно скорее вернуться к своему оленю. Весь день вчера ему

пришлось отгонять от своего лакомства ворон, а сегодня они, как нарочно, слетелись в двойном количестве, чтобы ограбить его. Похрюкав и повизжав о чем-то Мики, он напился поскорее из ручья воды и торопливо побежал обратно.

В это утро, возвращаясь к себе, Нива увидел, что весь костяк был буквально черен от насевших на него ворон. Орда этих могильщиков целым облаком слетела вниз, и все они старались прицепиться к падали, дрались между собою и хлопали крыльями, точно все до одной сошли с ума. Другое облако летало в воздухе уже наготове; каждый куст, каждое дерево, росшее вблизи костяка, согнулось под их тяжестью, и их черное с отливом оперение блистало на солнце так, точно все они только что вышли из-под рук эмалировщика. Нива остановился в изумлении. Он не испугался; уже много раз он прогонял этих трусливых нахалов. Но он никогда в жизни не видел такого их громадного количества. Пожалуй, от его запасов не останется и следа. Даже земля под ними казалась вся черной.

Он бросился на них из-за камней, оскалив зубы, как делал это уже не раз. Последовало величественное хлопанье крыльями. В воздухе от ворон сразу же потемнело, и воронье карканье, раздавшееся вслед за этим, вероятно, было слышно за целую милю в округности. Но на этот раз вся эта орда не улетела обратно к лесу. Благодаря своему количеству, вороны осмелели. Вкус оленьего мяса и запах от него, еще стоявший у них в клювах, возбуждали в них аппетит до сумасшествия. Нива был поражен. Над ним, позади него и со всех сторон вокруг него летали и описывали спирали вороны, каркали и вопили на него, а те, которые были похрабрее, подлетали к нему настолько близко, что задевали его крыльями. Их угрожающее облако становилось все гуще и гуще, а затем все они, как лавина, вдруг опустились на землю. Они снова принялись за оленя. Нива был почти смят ими. Он почувствовал себя погребенным под массой их крыльев и тел и стал из-под них освобождаться. Со всех сторон на него посыпались удары клювами, от которых летела с него клочьями шерсть; другие долбили его чуть не в самые глаза. Он почувствовал, как они стали отрывать от его головы уши, и не прошло и нескольких секунд, как из его носа уже ручьями текла кровь. У него захватило дыхание; он уже ничего перед собой не видел, и, полный недоумения, он в каждой точке своего тела чувствовал невыносимую боль. Об останках оленя он уже забыл. Единственное, чего он теперь больше всего желал, – это поскорее выбраться на открытое пространство, чтобы как-нибудь убежать от врагов.

Пустив в ход все свои силы, он бросился со всех ног бежать и наконец выбился из этой сплошной массы окружавших его живых тел. Увидев, что не удалось с ним справиться, многие из воронов оставили его в покое и полетели к добыче. Тем временем он пробежал уже половину пути к тому месту, куда скрылась волчица, и уже все вороны, кроме одного, бросили его и занялись своим делом. Этот один, точно рак клешней, вцепился ему клювом в короткий хвост и висел на нем, точно мертвый, все время, пока он бежал без оглядки и вскочил наконец в кусты. Тогда ворон взлетел на воздух и присоединился к своим собратьям, которые уничтожали последние остатки оленя.

Теперь уж и самому Ниве хотелось, чтобы около него был Мики. Его взгляд на вещи опять переменился. Теперь он был изранен во всех местах. Вся кожа на нем горела, точно в огне. Даже подошвы у него на ногах болели, когда он ступал на них, и целых полчаса он пролежал под кустом, зализывая свои раны и приносясь к воздуху, не идет ли к нему Мики.

Затем он сошел к ручью и оттуда обследовал всю ту дорожку, по которой оба они обыкновенно ходили взад и вперед. Но напрасно он старался отыскать своего товарища. Он хрюкал и взвизгивал и пытался уловить в воздухе его запах. Он опять побежал к ручью и опять вернулся обратно. Теперь остатки оленя его больше уже не интересовали.

Мики исчез неизвестно куда.

Глава X

Еще за целую четверть мили Мики слышал вороний крик. Но он вовсе не был расположен возвращаться назад, даже и в том случае, если бы догадался, что Ниве нужна была его помощь. После долгого поста он был голоден и в ту минуту имел определенное решение. Он рассчитывал напасть на след чего-нибудь съестного, как бы мало и ничтожно это съестное ни было, но добрая миля отделяла его от ручья, где мог бы найти хотя бы рака. Он дошел до того места, поймал рака и съел его прямо с кожурой. Это, по крайней мере, хоть уничтожило у него во рту противный вкус.

Судьбе угодно было послать ему в этот день еще один случай, который он не забывал потом всю свою жизнь. Теперь, когда он был один, воспоминание о хозяине уже не было у него так расплывчато, как вчера и в предыдущие дни. По мере того, как утро переходило в полдень, в его мозгу еще более живо стали проноситься картины, медленно, но верно перебра-сывавшие мостик между теми двумя берегами, которые создала дружба между ним и Нивой. Теперь уж его покинула на некоторое время неудержимая тяга к приключениям. Несколько раз он подумывал, не возвратиться ли и впрямь обратно к Ниве. Только голод гнал его все дальше и дальше. Он поймал еще двух раков. Затем вода в ручье стала глубже и потекла уж медленнее и стала менее прозрачной. Два раза он выгнал старых кроликов, но они от него легко удрали. Один раз он чуть-чуть было не поймал молодого. Часто из-под него с громким шумом крыльев выпархивали куро-патки. Он встречал соек, дятлов и много белок. Все бы они могли утолить его голод, если бы только он смог их поймать. А затем судьба сжалась над ним. Сунув морду в дупло повалившегося дерева, он нашел в нем зайчонка, и притом так удачно, что зайчонку невозможно было оттуда выбежать. Две-три минуты спустя он в первый раз за все эти три дня так вкусно и сытно пообедал.

Он прошел еще немного дальше на юго-восток, и, прежде чем солнце скрылось окончательно, он сделал с четверть мили. Уже в стусившихся сумерках он пересек проход Биг-Рок между Бивером и Луном.

Этот проход еще не был проезжей дорогой. Только в очень редкие промежутки времени здесь иногда передвигались путники, пробираясь к северу и пользуясь этим путем в своих переходах с одного водного пути на другой. Раза три или четыре за целый год – и это самое большее – волк мог бы почуять запах человека. А в этот вечер именно этот запах был здесь настолько свеж, что Мики даже остановился, неожиданно на него наткнувшись. На некоторое время он даже окаменел от охватившего его изумления. Для него все потеряло свой интерес перед фактом, что он напал на путь, проложенный человеком, и что поэтому здесь же должен пройти и его хозяин Чаллонер. Он отправился по следу, сперва медленно, как бы боясь потре-пать его совсем. Наступила темнота, а он все еще шел по этому следу, настойчиво, при свете звезд, не обращая внимания ни на что на свете и только весь охваченный инстинктом собаки, соскучившейся по дому и страстно желающей увидеть хозяина.

Наконец он добежал до самого берега озера Лун и здесь увидел палатку и костер и около них какого-то индейца и белого человека.

Он не бросился к ним. Он даже не залаял и не завизжал: пережитые в пустыне тяжкие испытания уже научили его осторожности. Он стал тихонько подкрадываться к ним, затем остановился и лег на живот, но только не в круге света, отбрасываемого костром. Отсюда он увидел, что ни тот ни другой из незнакомцев не был похож на Чаллонера. Но оба курили так же, как курил и его хозяин. Он мог слышать их голоса, и они были похожи на голос Чаллонера. И самый привал был такой же: и костер, и висевший над ним котелок, и палатка, и самый воздух, содержащий в себе запах только что начавшей вариться еды.

Через две-три минуты он переступил линию огня. Но белый человек тотчас же вскочил с места, протянул руку совершенно так же, как протягивал ее и Чаллонер, и схватил деревянную палку толщиной в руку. Он подбежал к Мики на расстояние в десять футов, и Мики подполз было к нему и встал на ноги. Здесь он находился уже в полuosвещении. Глаза его вспыхнули от отразившегося в них огня. И человек увидел его.

Он быстро замахнулся дубинкой, которую захватил с собой. Она пронизала воздух со страшной силой и полетела по направлению к Мики. Если бы она попала прямо в него, то убила бы его наповал. Но толстый ее конец миновал его; она задела его своим тонким концом, угодив ему прямо в затылок и в плечо и отбросив его назад, уже в темноту, с такой силой и так быстро, что человеку показалось, будто он убил его. Он громко крикнул индейцу Макоки, что убил волчонка или лисицу, и утонул во мраке ночи.

Дубинка отшвырнула Мики прямо в самую чащу густой сосновой заросли. Здесь он лежал, не издавая ни малейшего звука, с невыносимой болью в плече. Он увидел, как между ним и костром человек наклонился и поднял дубинку. Он увидел также, что и Макоки, захватив с собой другую дубинку, поспешил к нему на помощь, и еще тише притаился в своей засаде. Ужас овладел всем его существом, потому что он понял настоящую правду. Среди этих людей не было Чаллонера. Они охотились на него с дубинками в руках. А он знал, что такое были эти дубинки. У него было почти сломано плечо.

Он лежал очень тихо, пока люди разыскивали его. Индеец даже пошарил своей дубинкой в чаще густой сосновой заросли. Белый человек настаивал на том, что он действительно подшиб зверя, и один раз так близко стоял от самого носа Мики, что почти коснулся его своим сапогом. Затем он пошел обратно к палатке и подбавил в костер хворосту, так что осветилось еще большее пространство, чем было раньше. У Мики похолодело под сердцем. Люди еще долго продолжали свои поиски, но совсем в другой стороне.

Почти целый час Мики не мог двинуться с места. Костер стал потухать. Старый индеец завернулся в одеяло и лег, а белый человек ушел к себе в палатку. Только теперь Мики отважился вылезти из своей засады. С разбитым плечом, прихрамывая на каждом шагу, он поспешил обратно к дороге, по которой шел сюда, полный надежд всего только какой-нибудь час тому назад. Человеческий запах уже более не заставлял так радостно биться его сердце. Теперь он составлял для него угрозу, предостережение. То, от чего он должен теперь уклоняться. Скорее он встретится теперь с глазу на глаз с выдрой или с совой, чем с белым человеком и с его дубинкой. С совами он смог бы еще поладить, но дубинка была, во всяком случае, во много раз сильнее его.

Была уже совсем глубокая ночь, когда он доковылял наконец до того дупла, в котором поймал зайчонка. Он влез в него и до самого рассвета все лизал свою рану. Ранним утром он вылез из дупла и доел остатки зайчонка.

После этого он отправился на северо-запад, где должен был находиться Нива. Теперь уже Мики более не колебался. Он опять хотел быть с Нивой. Ему хотелось потыкать его носом в бока, лизнуть его в морду, даже и в том случае, если бы от него все еще воняло до сих пор. Он соскучился по его хрюканью и по его дружеским, веселым взвизгиваниям; ему захотелось вдруг отправиться вместе с ним на охоту, потом вместе перекусить, а затем улечься с ним рядышком на солнце и поспать. Ведь Нива, в конце концов, составлял необходимую часть его жизни.

И он побежал к нему.

А Нива в это время безнадежно и с глубокой печалью оставил далеко позади свои любимые места и тоже шел навстречу Мики по тому же самому пути, разыскивая его и обнюхивая его следы.

Они встретились внизу, на небольшом открытом лужке, сплошь залитом солнцем. Никаких больших демонстраций не произошло. Они остановились и некоторое время смотрели один на другого, точно желая убедиться, они ли это на самом деле. Нива захрюкал. Мики зави-

лял хвостом. Они обнюхались. Затем Нива взвизгнул, а Мики заскулил. Вышло так, точно они хотели сказать друг другу: «Здравствуй, Мики!» – «Здравствуй, Нива!»

А потом Нива лег на солнышке, а Мики растянулся рядом с ним. В самом деле, как все на этом свете просто! Все кажется разрозненным на отдельные части, но в конце концов всегда составляет одно целое. И сегодня их мир представлялся им обоим одним стройным гармоническим целым. Они опять были приятелями – и были счастливы. Баста!

Глава XI

Наступил месяц восходящей луны, как говорят индейцы, – глубокое, сонное лето во всей стране за Полярным кругом.

От Гудзонова залива и до Атабаски, от Горной страны и до конца Великого Барренсова леса, долины и тундры – все погрузилось в мир и забвение в солнечные дни и в звездные ночи «мукусавина», то есть, по-нашему, августа. Это был месяц плодящий, возвращающий, месяц, когда вся жизнь оживала после долгой спячки еще раз. Во всей этой пустынной местности, такой беспредельной, что она тянулась на тысячи миль с востока на запад и на столько же с севера на юг, – совершенно не было заметно человеческой жизни. Только на одних заимках Компании Гудзонова залива, то тут, то там попадавшихся иногда по безграничному пространству, собирались охотники и разведчики, с женами и детьми, чтобы наконец выспаться хорошенько, поделиться мыслями и позабавиться чем-нибудь в течение двух-трех недель за целый год, пока на дворе еще стоит тепло и пока не наступили еще контраст и трагедия грядущей зимы. Для всех этих людей лесов и тундр это был действительно «мукусавин» – великий день радости года; это были для них недели, в которые они уплачивали свои долги мехами, получали новые кредиты в факториях компании; недели, в которые они на каждом таком посту встречали настоящий праздник – пляски, игры в любовь, свадьбы и желание как можно больше и полнее наверстать то, что им предстояло потерять за многие дни голода и мрака, ожидавшие их впереди.

И вот на этот-то короткий срок все дикие звери и зверюшки и чувствуют себя полными хозяевами своей пустыни. Они уже больше не слышат запаха человека. На них не охотятся. Уже нигде не видно капканов, расставленных для их ног, и отравленной приманки, так соблазнительно разложенной по тем местам, через которые им приходится пробегать. На заводах и на озерах дикие птицы токовали и безбоязненно подзывали к себе своих птенцов, чтобы научить их, как надо пользоваться крыльями. Рысь свободно играла со своими котятками, совершенно не ощущая в воздухе угроз со стороны человека; лосиха открыто входила в холодную воду озера со своим теленком. Соболь и куница радостно бегали по крышам покинутых на время хижин и шалашей; бобр и выдра весело хлопотали и постукивали в мутных лужах хвостами; птицы распевали – и по всей пустыне разносились гомон и песнь природы, как будто бы Великая Сила только в первый раз захотела показать все значение природы. Родилось на свет новое поколение живых существ. Это было время юности с десятками и сотнями тысяч маленьких живых существ, родившихся у диких животных и птиц, игравших в свои самые первые игры, воспринимавших свои самые первые уроки и быстро подраставших навстречу угрозам и приговору их первой, приближавшейся к ним зимы. И Добрый Дух лесов, предвидя то, что должно было произойти, уже всего припас для них в достаточном количестве. Всего было много. Брусника, черника, можжевельные ягоды и рябина уже поспевали. Ветви деревьев и кустарников обвисали от тяжести шишек и семенников. Трава была зелена и нежна от летних дождей. Клубни луковичных растений почти целиком вылезали из земли; в заводах и по берегам озер кишела масса еды, а над головой и под ногами всего было столько, будто безостановочно сыпалось на землю из рога изобилия.

В такой-то обстановке Нива и Мики наслаждались своим полным и безграничным благополучием. Они лежали в этот августовский полдень на нагретом солнцем выступе скалы, царившем над этой полной чудес долиной. Наевшись до отвала сладкой брусники, Нива заснул. Мики только жмурился, глядя в полукрытыми глазами в легкую дымку, окутывавшую долину. До него доносилась снизу музыка от ручьев, бежавших меж камней и через каменные перекиды, а с нею вместе и мягкий, убаюкивающий летний шум от самой долины. Он как-то беспокойно заснул на полчаса, а затем открыл глаза и стряхнул с себя дремоту. Острым

взглядом он оглядел всю долину. Затем посмотрел на Ниву. А тот, жирный и ленивый, так и проспал бы без него до самой ночи. Теперь уж Мики приходилось его беспрестанно расталкивать. И вот Мики сердито два или три раза забрехал на него и дернул его за ухо.

«Да проснись же, наконец! – казалось, хотел он сказать. – Ну что за интерес дрыхнуть в такой чудесный день, как сегодня? Давай лучше спустимся к ручью и на что-нибудь поохотимся вместе!»

Нива пробудился, вытянулся во все свое жирное тело и зевнул. Его сонные глазки тоже поглядели на равнину. Мики поднялся и издал низкий, беспокойный вой, что всегда означало для Нивы, что он хотел подвигаться. Нива ответил ему, и они стали спускаться вниз по зеленому откосу между двумя невысокими холмами.

Теперь уж каждому из них было почти по полгода, и по своим размерам они уже перестали быть медвежонком и щенком. Теперь уж это были медведь и собака. Угловатые формы Мики уже сгладились и приняли свой настоящий вид; его грудь развилась; шея вытянулась и уже не казалась такой непропорционально короткой сравнительно с величиной головы и челюстей, – и его тело увеличилось и в длину, и в обхват, и вся его фигура теперь была вдвое больше, чем у самой крупной обыкновенной собаки его возраста.

Нива потерял свою детскую шарообразность и неповоротливость, хотя еще больше, чем Мики, доказывал на себе, что он не зря провел эти полгода без матери. Но больше уж он не чувствовал той нежной любви к покою, которая наполняла его раннее детство. Кровь его породы уже начала сказываться в нем, и при встрече с врагами, во время борьбы, он уже не искал для себя безопасного местечка, а прямо выходил один на один, даже и в тех случаях, когда крайние последствия казались ему до ужаса неизбежными. Говоря проще, в нем, как и в большинстве медведей, стала развиваться охота к поединкам. Но если бы нашлось еще более подходящее определение, то оно могло бы с еще большим основанием быть применено и к Мики, этому верному сыну своих родителей. Он тоже был большим задирой. Оба еще молодые, они уже все были покрыты шрамами и рубцами, которыми могли бы гордиться под старость. Вороны и совы клювами и когтями, волки зубами, раки клешнями – все они оставили на них свои следы, а у Мики на боку зияла плешь восемь дюймов длиной, оставленная ему на память волчицей. И теперь, когда Мики вел Ниву на новые приключения, медведь послушно следовал за ним, но уже с другим настроением, чем то, с каким он обыкновенно отправлялся промышлять для себя еду, которая всегда составляла для него главное в жизни. Это не значило вовсе, что Нива лишился своего аппетита. Он мог съесть в один день более, чем Мики в три, в особенности если принять во внимание, что Мики ел два или три раза в день, тогда как Нива предпочитал кушать всего только один раз, но зато беспрерывно с рассвета и до ночи. Находясь в дороге, он всегда и не переставая что-нибудь жевал.

На целую четверть мили, в пространстве между двумя грядами холмов, где, картавя, по каменистому ложу стремился куда-то ручеек, тянулись заросли великолепнейшей во всей стране Шаматтава дикой черной смородины. Крупные, как вишни, черные, как чернила, и от спелости надувшиеся так, что чуть не лопались на них от наполнявшего их сладкого сока кожица, ягоды свешивались с кустов целыми гроздьями и в таком множестве, что Нива мог свободно срывать их с веток ртом и есть. Во всей этой дикой пустыне ничего не могло быть более интересного, чем эти почти перезрелые ягоды черной смородины, и это ущелье, в котором они в таком множестве произрастали, Нива уже заранее стал считать своей личной собственностью. Мики тоже уже научился есть ягоды. Кроме того, Мики привлекало это местечко еще и по другим соображениям: здесь было много молоденьких куропаток и кроликов с нежным мясом и вкусным запахом, которых он ловил так же легко, как и глупых кур. Были здесь также кроты и белки.

В этот день, едва только они принялись набивать себе рты сочными ягодами, как до них донесся безошибочный звук. Безошибочный потому, что они тотчас же узнали, кто его произ-

водил. В двадцати или тридцати ярдах выше их кто-то шумно пробирался сквозь смородинные кусты. Какой-то неизвестный похититель вторгнулся в их сокровищницу, и тотчас же Мики оскалил зубы, а Нива в злобном ворчанье сморщил свой нос. Оба они подкрались на цыпочках к тому месту, откуда доносился этот звук, пока наконец не увидели себя на небольшом открытом пространстве, которое было так же плоско, как стол. В центре этого пространства росла группа смородинных кустов не более двух ярдов в объёме и почти сплошь черных от ягод. Перед ними, поднявшись на задние лапы и захватив в передние отягченные плодами ветки, стоял большой молодой медведь, раза в четыре больше, чем сам Нива.

В первый момент гнева и удивления Нива не принял во внимание эти размеры. Он испытывал приблизительно то же самое, что и человек, возвратившийся к себе домой и увидевший, что всем его имуществом распоряжается кто-то другой. К тому же в нем заговорила еще и амбиция, которую, как ему казалось, было легко удовлетворить, а именно – выбить спесь из представителя его же собственной породы.

То же чувство, казалось, испытывал и Мики. При обыкновенных условиях он немедленно пустился бы в драку, и, прежде чем Нива решился бы выступить сам, он уже подскочил бы к бессовестному браконьеру и вцепился бы ему в горло. Но сейчас что-то осаживало его назад, и Нива бросился на ничего не подозревавшего врага и, как молот, ударил его своим телом прямо по ребрам.

Полный удивления, со ртом, набитым ягодами, несчастный, почувствовав на себе силу удара Нивы, покатился, как туго набитый мешок. И прежде чем он смог что-нибудь сообразить, – а ягоды в это время потоком сыпались у него изо рта прямо на землю, – Нива схватил его за горло – и потеха началась. Сцепившись между собой всеми восемью ногами и стараясь действовать ими вовсю, оба дуэлянта катались по земле, сжимая друг друга в объятиях и стараясь задавить один другого, вертясь при этом как две обезумевшие мельницы. Для Мики было почти невозможно понять, кто из них был в худшем положении – Нива или молодой незнакомец; по крайней мере три или четыре минуты он находился в сомнении.

Затем он услышал голос Нивы. Он был чуть-чуть слышен, но Мики безошибочно угадал в нем звук тяжкой боли.

Тогда он подскочил к чужому медведю и схватил его за ухо. Это была свирепая, ужасная хватка. Сам отец Нивы при подобных обстоятельствах громко завизжал бы от боли. И молодой медведь завыл в агонии во весь свой голос. Он забыл обо всем на свете, кроме ужаса и боли от этого нового для него существа, которое вцепилось ему в ухо, и воздух наполнился его отчаянными воплями. И Нива понял, что за него вступился Мики. Он высвободился из-под своего обидчика и сделал это как раз вовремя. Потому что снизу, как расвирепевший бык, уже неслась на помощь своему верзиле сынку его мать. Нива успел увернуться от нее в сторону, как мячик, когда она со всего размаха на него замахнулась. Потеряв даром удар, старая медведица в крайнем возбуждении бросилась к своему вопившему от боли детенышу. Повиснув радостно на своей жертве, Мики позабыл о всякой опасности, пока медведица не принялась и за него. Он заметил ее только тогда, когда она опустила на него свою тяжелую, как деревянное бревно, переднюю лапу. Он увернулся; направленный на него удар пришелся как раз по башке ее же собственному сыну с такой силой, что это сбilo его с ног, и он, как футбольный мяч, отлетел футов на двадцать в сторону и покатился вниз к ручью.

Мики не стал ждать дальнейших результатов борьбы. Быстро, как стрела, он уже бежал вслед за Нивой через смородинную чашу вдоль ручья. Они вместе выбрались на равнину и добрые десять минут мчались без оглядки неведомо куда, боясь обернуться назад. А когда наконец они решились на это, то смородина от них была уже за тридевять земель. От усталости Нива высунул красный язык, и он болтался у него, как тряпка. Он весь был исцарапан и измазан кровью; вырванная шерсть клочьями висела по всему телу. Когда он посмотрел на Мики, то по

грустному выражению его глаз собака заметила нечто, что могло бы быть принято за сознание Нивой своего полного поражения.

Глава XII

После описанной выше потасовки более не могло быть и мысли о том, чтобы Нива и Мики вновь возвратились в свой потерянный рай, в котором так соблазнительно росла черная смородина. От самого носа и до кончика своего хвоста Мики был искателем приключений и, подобно своим бродягам-предкам, чувствовал себя счастливее всего только тогда, когда передвигался с одного места на другое. Пустыня опять потребовала его к себе, овладела его телом и душой, и очень возможно, что и он при создавшихся условиях его жизни так же бы стал избегать теперь человеческих жилищ, как избегал их и Нива. Но и в жизни животных так же, как и в жизни людей, природа продельвает свои шутки и проказы.

После шести великолепных солнечных недель истекшего лета и ранней осени и вплоть до сентября Мики и Нива все время держали путь на запад, к той точке, где каждый вечер заходило солнце. Много они увидели в той стране, через которую проходили. Это был край в сотни миль в окружности, который искусная мать-природа еще искони превратила в настоящее царство самой нетронутой дикости. Они прошли мимо колоний бобров, расположенных в темных, молчаливых местах; они видели, как играла выдра; они так часто сталкивались в пути с лосями и оленями, что уже перестали их бояться и избегать, а шли прямо в открытую по лугам или по краям тундр, на которых находили для себя пропитание. Именно здесь Мики постиг ту великую премудрость, что когти и клыки даны им для того, чтобы с помощью их нападать на парнокопытных и рогатых; волков было множество, и несколько раз они сами чуть было не попались им под когти и клыки и еще чаще слышали доносившийся до них дикий язык их массового воя. После опыта с волчицей Мики уже больше не желал к ним присоединяться. Теперь и сам Нива более не настаивал на том, чтобы останавливаться надолго около еды, которую им удавалось находить. В нем уже начиналось, как говорят индейцы, «кваскахао» – инстинктивное предчувствие Великой Перемены.

С самого начала октября Мики стал замечать, что с его приятелем стало происходить что-то странное. С каждым днем Нива становился все беспокойнее и беспокойнее, и эта его тревога достигла в нем высшего своего напряжения, когда начались ночные холода и осень тяжелым дыханием стала сковывать воздух. Теперь уже Нива вел Мики куда-то в необозримые пространства, и казалось, что он все время что-то разыскивал по пути, что-то таинственное, чего Мики не мог ни видеть, ни обонять. Теперь уж он не спал целые часы подряд. С половины октября он почти не спал совсем, а все шел и шел вперед, днем и ночью, и все ел, ел и ел да прихивался к ветру, стараясь обнаружить в нем что-то неуловимое, что природа настойчиво приказывала ему искать и найти. Он то и дело, ни на минуту не переставая, засовывал свой нос то под свалившиеся от бурь стволы старых деревьев, то в углубления между камней, и все время Мики был около него, готовый броситься в сражение и биться в нем до последней капли крови именно с тем животным или с той вещью, которые Нива так настойчиво отыскивал. И казалось, что он не найдет их никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.